

Э.М.Рянская

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
ЛИНГВОРЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Монография

**Издательство
Нижевартовского государственного
гуманитарного университета
2008**

ББК 81
Р 99

Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного гуманитарного университета

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры
романской филологии Института иностранных языков
Московского городского педагогического университета

Л.Г.Викулова;

кандидат филологических наук, руководитель отдела
хантыйской филологии Обско-угорского института
прикладных исследований и разработок

А.Д.Каксин

Рянская Э.М.

Р 99 **Когнитивный аспект лингворегиональных исследований:**
Монография. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2008. — 98 с.

ISBN 978–5–89988–531–9

Монография посвящена проблемам комплексного междисциплинарного подхода к изучению лингворегиональных особенностей. На материале нескольких языков предпринята попытка реализации принципов и методов когнитивной лингвистики в описании национально-культурной специфики языков. Особое внимание уделено проблеме исследования лингвистической ситуации на территории ХМАО—Югры.

Для студентов, аспирантов, преподавателей гуманитарных вузов и факультетов, а также всех, кто интересуется проблемами изучения связи языка, мышления и культуры.

ББК 81

ISBN 978–5–89988–531–9

© Рянская Э.М., 2008

© Издательство НГГУ, 2008

*Посвящается светлой памяти
Феликса Николаевича Рянского*

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Каждое типологическое утверждение должно пройти проверку на базе данных описанных лингвистами языков и только после этого может заслужить право быть включенным в общие или универсальные схемы», — пишет Вяч.Вс.Иванов [Иванов, 2004: 50]. Ученый в своих исследованиях попытался развить идеи Т. де Шардена и В.И.Вернадского о ноосфере, выдвигая тезис о важности объединения языковых традиций и синтеза методов смежных наук. В этом контексте актуален призыв авторитетного лингвиста к неотложным исследованиям исчезающих языков, поскольку их уход уменьшает языковое разнообразие способов описания мира [Там же: 11, 100].

Французский лингвист Клод Ажеж, рассматривая эту проблему, отмечает, что процесс исчезновения миноритарных языков и культур начался много веков назад и обусловлен их уязвимостью на фоне умножения контактов с другими языками, распространения новых идеологий и технологий [Ажеж, 2003: 43—44]. «Судьба языка ... определяется способностью к сопротивлению», — справедливо замечает ученый [там же]. На наш взгляд, на территории ХМАО—Югры есть определенные условия для того, чтобы языки народов ханты, манси, ненцев оставались объектом лингвистического описания. Но одного этого недостаточно. Необходимы региональная стратегия лингвокультурологических изысканий, и, как часть этой стратегии, базовая теория или методология лингворегиональных исследований.

Ключевая идея настоящей работы заключается в том, что универсальные и специфические принципы языковой структуры должны проверяться на фактах возможно большего числа языков. Основная задача — показать приоритет антропоцентрического (в узком смысле) и когнитивного (в широком смысле) подходов в постановке проблем лингворегиональных исследований. Следуя прогрессивным взглядам ученых-лингвистов, мы признаём, что будущее за синтезом описательной, исторической и объяснительной лингвистики, а также за исследованиями по проблемам, а не по условному размежеванию научных дисциплин. В связи с этим мы выдвигаем следующие принципы: междисциплинарность, т.е.

выход в область таких наук, как этнолингвистика, лингвострановедение, культурология, психоллингвистика, когнитивная лингвистика и т.д.; учет многоплановости природы человеческого языка (социальность, биологичность, психологичность); использование в качестве приоритетных методов когнитивной лингвистики как основы междисциплинарных исследований.

В связи с поставленными задачами в работе прежде всего уделяется внимание таким проблемам, как «язык и мышление», «язык и знание», «язык и отражение в нем внеязыковой действительности»; излагается авторский взгляд на соотношение понятий «картина мира», «языковая картина мира», «когнитивная картина мира», «научная картина мира», «наивная картина мира»; изучаются компоненты национальной языковой картины мира; предлагаются методы изучения лингворегиональной специфики.

Следует согласиться с тем, что «у каждого языка есть своя сеть, которую он накладывает на предметы внешнего мира, так что при переходе из одного языка в другой мы в лучшем случае пользуемся эквивалентами» [Ажеж, 2003: 48]. В основе мировидения каждого народа лежит своя система представлений, социальных стереотипов. Сходные явления или предметы действительности могут вызвать различные ассоциативные представления, что находит свое отражение в языковой номинации. В связи с этим перспективным представляется изучение и системное описание региональной лексики в рамках когнитивного направления. Кроме того, опора на понятийный уровень позволяет сравнить различные «языковые картины мира», и выйти за рамки изучения лексического материала и обратиться к многообразию других языковых явлений.

Глава 1

ЛИНГВОРЕГИОНАЛИСТИКА: ПРЕДМЕТ, ЗАДАЧИ, СПЕЦИФИКА ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Регионалистика как наука.

Определение понятия «лингворегиональные исследования».

Предмет лингворегиональных исследований

Немалый опыт изучения региональных и локальных систем с учетом их территориальных особенностей, функционирования и развития накоплен в географии. Этот опыт используется и другими науками, тем более что географы уже давно занимаются не только своими проблемами, но и вопросами региональной экономики, социологии, демографии. По мнению В.А.Кобылянского, территориальность не является специфической географической характеристикой, возникает необходимость официального признания статуса регионоведческих наук самого широкого охвата [Кобылянский, 2003: 70—71]. Автор цитирует ряд работ этого направления, связанных с исследованиями регионального человековедения, региональных особенностей уровня жизни и организации жизнедеятельности населения, демографии.

Региональный подход используется в этнической психологии. Так, известен метод составления региональной картотеки (автор — Д.Мердок), заключающийся в обобщении, классификации и систематизации этнографических и этнопсихологических данных. Содержащиеся в картотеке сведения классифицируются по трем признакам — территориальному, культурному и предметному [Крысько, 2002: 294].

На этом фоне изучение региональных особенностей развития и взаимодействия сосуществующих на одной территории языков представляется весьма актуальным.

В последнее время особое внимание уделяется исследованиям культурных традиций и национальных стереотипов, нашедших свое отражение в языке. В связи с этим объектом исследования служат как семантика слова, так и отдельные лексико-грамматические категории, а также фразеологизмы, фольклор и другие источники социокультурной информации. Изучение региональной

лексики открывает перспективы исследования не только особенностей языков народов, населяющих общую территорию, но и реалий определенной социокультурной действительности.

В исследованиях последних лет заметна тенденция к изучению не только истории народов, их быта, обычаев и традиций, но и их мировоззрения и мировидения. Среди зарубежных исследований, посвященных истории обских угров, можно назвать работы немецких, венгерских, финских, эстонских и японских ученых, которые уже в XIX веке давали комплексное описание жизни и языковых особенностей коренных народов. В современных исследованиях большое внимание уделяется истории и духовной культуре хантов, манси и ненцев, особенно их фольклорному наследию [Ромбандеева, 1993; Волдина, 2002; Мазин, 2004; Мифы, сказки..., 2005]. Намечены исследования некоторых составляющих национальной «картины мира», например, пространственных представлений в традиционном мировоззрении лесных ненцев [Сподина, 2001]. Интересен опыт описания представлений о временной цикличности в селькупском календаре [В краю селькупов..., 2000].

Интерес к региональным лингвистическим исследованиям обусловлен ставшими актуальными в современную эпоху задачами межнациональной и межкультурной коммуникации. В лингвистике региональный аспект связан, прежде всего, с изучением понятий и их языковых выражений, специфических для определенных народов или территорий. Регионализмы являются маркерами определенной социокультурной действительности и связаны с теми или иными реалиями, отражающими национально-культурные традиции, географические, исторические и прочие условия [Санхорова, 1993: 44—46].

Источником создания слов являются впечатления, ассоциативные образы, возникающие в результате взаимодействия с окружающим миром. Регионализмы дают представление о национальных или региональных признаках его происхождения, отражают образ жизни, обычаи или специфику географического положения. Заключенные в регионализмах понятия значительно отличаются в разных культурных и географически удаленных пространствах. При решении задач установления связи между народами и культурами через язык основной целью является адаптация

к восприятию концептов, не существующих в другой социолингвистической общности.

В нашем понимании лингворегиональные исследования не должны ограничиваться изучением регионализмов в узком смысле слова. Региональный метод предполагает расширение связей лингвистических изысканий с историей, географией, этнографией, культурологией, страноведением, психологией и другими науками. В этом контексте лингвистические исследования в рамках такого региона, как Север Западной Сибири, должны иметь междисциплинарную направленность.

1.2. Факторы формирования лингворегиональных особенностей в Западной Сибири

На территории Севера Западной Сибири многими гранями соприкасаются и прорастают друг в друга две различные цивилизации: одна, с глубокими общечеловеческими корнями, *биогенная*, выработавшая свои основные жизненные, этические, эстетические и другие установки в длительном приспособлении к сложным природно-климатическим условиям; другая — *техногенная*, сравнительно молодая, быстро развивающаяся, создавшая новые орудия труда, передвижения, общения, проникновения в глубины материи.

Согласно А.Дж.Тойнби, цивилизация — это достигшая пределов самоидентификации культура, в пределе общечеловеческая или глобальная [Тойнби, 2001]. Фактически в этом определении под цивилизацией понимается определенный вид культуры в широком смысле. Нам бы хотелось отделить и сузить эти понятия. Тогда под *цивилизацией* понимается совокупность общественного продукта, имеющего прикладной характер, — жилище, производственные строения, транспорт, связь, одежда, пища и т.д. К ней также относится та часть науки, которая прямо или косвенно сказывается на материальной жизни. *Культура* — это совокупность духовных ценностей, произведенных человечеством, не имеющих прямого прикладного значения, и предназначенная для психического восприятия с целью расширения и обогащения ощущений и представлений о жизни и мире. К культуре относятся: искусство,

гуманитарные науки, религия, мораль. На стыке этих двух понятийных полей находятся материальные объекты культуры: храмы, иконы, картины, музыкальные инструменты, интерьеры жилища и т.д. [Рянская, Рянский, 2004: 111—113]. С этой точки зрения в Северном полушарии, к северу от южной границы многолетней мерзлоты в таежной, тундровой и арктической природной зонах сложилась *циркумполярная* цивилизация, включающая ряд этнокультурных сообществ.

На территории ХМАО—Югры проживают три этнокультурных сообщества — ханты, манси и лесные ненцы [Сподина, 2001]. В контрастных территориях округа эти крупные сообщества — этносы — закономерно распадаются на более мелкие — субэтносы, различающиеся не только этнокультурными особенностями приспособления к однородным ландшафтам, физиономическими, демографическими, но и языковыми, что было отмечено более 80 лет назад на примере ваховских хантов [Шатилов, 2000].

Несколько веков межэтнических контактов способствовали взаимовлиянию и интеграции, формированию исторического опыта сотрудничества, общего пласта культуры, что в совокупности является определенным фактором относительной межнациональной стабильности в регионе. Соприкосновение с ценностями иной культуры, появление и развитие новых видов хозяйствования и новых орудий хозяйственной деятельности способствуют расширению знаний об окружающем мире, обогащают этническую картину мира от уровня традиционных мифологических представлений до накопления некоторых научных знаний [Спиридонова, 1999: 48]. С этих позиций можно говорить о циркумполярной субцивилизации как части российской макроразвития.

В последнее время во французской антропологии появилось понятие *mélange* или *bricolage*, обозначающее смешение культур как одну из норм современной эволюции. При этом некоторые ученые отдают предпочтение *месту*, т.е. территориальному объединению, которое может включать более одного этноса, а не *группе* как единице культурно-антропологического анализа [Тишков, 2003: 254]. В.А.Тишков вслед за российским философом А.Родиным задает вопрос: для чего нужно заботиться о сохранении

культур и не допускать вытеснения одних культур другими? По его мнению, «культурное многообразие есть присущая человечеству, как и всем другим видам живой и неживой природы, необходимая характеристика существования и эволюции. Единообразии означает социальную энтропию и своего рода смерть человека как вида. Все культуры составляют общее достояние человечества, и исчезновение самой малой есть общая большая утрата, как утрата вымершего вида животных или растений» [Тишков, 2003: 255]. Это высказывание в полной мере может быть отнесено и к языку. Поскольку к XVIII веку, как отмечает Т.Г. Стефаненко [Стефаненко, 2003: 240], сложилось этнолингвистическое и культурное единство большинства европейских общностей, в Новое время именно культура и язык стали важнейшими этнодифференцирующими признаками.

Язык, развиваясь по своим внутренним законам, постоянно приспосабливается к общественному устройству, поэтому функции его социально обусловлены [ЛЭС, 1990: 326].

Исторические особенности воздействия друг на друга этнокультурных сообществ Севера Западной Сибири лучше всего отражаются во взаимных и связанных изменениях в языках этих народов. Исследователи конца XIX и первой трети XX веков [Сирелиус, 2001; Шатилов, 2000] указывают на использование ряда русских слов, связанное с появлением в промысловой деятельности аборигенов новых видов орудия или способов добычи, заимствованных у русских: *дробь*, *крюк* (удочка на щуку из кости лоса), *самолов* (донная леска для ловли выдры), *мерка* (для пороха из дерева с носиком), *ситка* (сито из бересты для просеивания табака), *сито* (приспособление для очищения и жарки орехов), *капкан*. Отмечены слова, относящиеся к названиям одежды и обуви разной эпохи, также русского происхождения: *кафтан* (накидка), *сопа'ки* (сапоги). В описании устройства землянки кроме остяцких терминов упоминаются пришедшие из русского языка слова *стол*, *стул* (без спинки), *скамейка*, *окошко*, *матка* (средняя балка) [Сирелиус, 2001: 145]. Таким образом, ханты и ненцы, перенимая у русских некоторые орудия промысла или предметы быта, использовали и их названия, иногда адаптированные к собственным правилам произношения (*ситка*). Другой пример межэтнических отношений — взаимные заимствования. Места, на

которых ведется добыча рыбы, имели два названия: «песок» и «сор». Первое пришло из русского языка и обозначало, что ловля ведется на песчаных берегах. Слово «сор» хантыйского происхождения, оно служит для обозначения мелкой, богатой травой бухты [Алквист, 1999].

Отсутствие реалий в культуре этих народов в процессе заимствования некоторых навыков быта или появления новых традиций в новых социальных условиях привело к использованию таких слов, как *пирок/пийрок* (пирог), *ярмынька* (ярмарка), *саккар* (сахар), *сул* (соль), *курушка* (кружка), *шайпут* (чайник), *леккар/тохтар* (врач, доктор) [Соловар, 1997; Шатилов, 2000: 106, 135]. О том, что обские угры могли перенимать иную культуру, говорят и другие примеры, в частности, взятые из фольклора. Так, в начале 30-х гг., в мансийском учебнике для детей была опубликована заимствованная из русского фольклора детская песенка «Заинька», а в районе проживания сыгвинских манси записана песня «Белоснежный большой пароход», посвященная появлению в этих краях первого парохода [Мансийские (вогульские) песни..., 1998]. Особенности этого периода нашли свое отражение в характере народной песни коренных народов, которые не избежали влияния русской песенной традиции: частушки в духе того времени и песни, содержащие зарисовки проникновения современности в национальный северный быт [Волдина, 2002]. Свидетельством заимствований являются также загадки о предметах или явлениях новой культуры — о книгах, письмах, культовых знаках (например, загадка о двери церкви, о перезвоне церковных колоколов) [Загадки..., 2002].

Из русского языка были заимствованы также личные имена. Так, в прошлом манси использовали термины родства, возрастную терминологию или прозвища. В период христианизации русские имена адаптировались к произносительным особенностям мансийского языка (Матрена — Матра, Дарья — Тарья, Дмитрий — Митри и т.д.), при этом к женским именам добавлялся элемент *эква* («женщина»), а к мужским — *ойка* («мужчина») [Мансийские (вогульские) песни..., 1998].

Анализ словарных статей русско-мансийского словаря, составленного Е.И.Ромбандеевой [Ромбандеева, 2005], показал, что около 5% слов, заимствованных из русского языка в разные периоды

истории, подверглись изменениям в соответствии с произносительными особенностями мансийского языка, либо по причине неточного восприятия. Среди таких примеров отметим: *баржа* — *p̄arsa*, *амбар* — *āmpar*, *бок* — *p̄ox*, *булка* — *пулка*, *ведро* — *в̄этра*, *закон* — *саккон*, *час* — *с̄ёс*, *пальто* — *пальтув*, *картофель* — *карт̄опка*, *кирпич* — *кирпась*, *решето* — *ресаты*, *колбаса* — *калпас*, *шкаф* — *искап*. В некоторых случаях можно наблюдать любопытные эквиваленты русским словам, так, например, к слову *жёлудь* в словаре дается объяснение «дуб с̄ёмя», слово *кровать* имеет два эквивалента: *к̄ойка* и *п̄ерина*. Некоторые русские слова приняли форму, соответствующую грамматическим или словообразовательным моделям мансийского языка: *безошибочный* — *ошибкатал*. Основная часть заимствований из русского языка (в словаре они составляют немногим более 10%) усвоены мансийским языком без изменений.

Что касается лексико-семантических групп заимствований, представленных в русско-мансийском словаре Е.И.Ромбандеевой, то они отражают процессы восприятия названий новых для аборигенов реалий: *квартира*, *клеенка*, *утюг*, *колодец*, *колхоз*, *коммунизм*, *кружок*, *куртка*, *плац*, *лесопилка*, *машинист*, *мастер* и др. Интересно, что к термину *компьютер* в словаре дается развернутая дефиниция, содержащая русские компоненты *печатать* и *машина*. Кроме обозначений объектов, не входящих в круг традиционной жизни и быта коренных народов, можно отметить и ряд терминов, относящихся к сфере естественной природы. Это наименования некоторых растений (*липа*, *клен*, *ясень*, *лопух*, *лиана*, *лен*, *кукуруза*), животных (*кролик*, *осел*, *лев*, *крокодил*), рыб (*лец*, *навага*, *кета*, *лосось*), овощей (*капуста*, *картофель*, *огурец*, *помидор*, *редиска*), фруктов (*лимон*, *персик*, *яблоко*), цветов (*одуванчик*, *незабудка*). В названиях дней недели и месяцев указываются как русские, так и мансийские обозначения.

В хантыйско-русском и русско-хантыйском словаре (ваховский диалект), авторами которого являются Н.И.Терешкин и В.И.Сподина [Терешкин, Сподина, 1997], зафиксировано около 2% заимствований из русского языка. Указанные в словаре личные имена

(40 мужских и 14 женских) образованы от русских имен¹, например: *ивӑн* (Иван), *крикоры* (Григорий), *мирон* (Мирон), *павэл* (Павел), *порка* (Борька), *вары* (Варя), *марвы* (Марфа), *уста* (Устинья). Примеры, взятые из словаря, свидетельствуют о том, что заимствованные русские слова в целом также адаптированы к фонетическим особенностям хантыйского языка. Некоторые слова могли претерпеть изменения за счет сокращений, так, например: *л'ис* (лист), *кил* (килограмм).

Отмеченные в указанном словаре заимствования из русского языка в хантыйский представлены следующими тематическими группами: новые реалии (*кинӓ* — кино, *кэмсамол* — комсомол, поста — почта, *рат'ыва* — радио, *лампы* — лампа, *лантыв* — лента), предметы быта (*панка* — банка, *витрӓ* — ведро, *тӓрылка* — тарелка, *кӓткӓ* — кадка, *потпӓл* — подпол), животные (*кӓскӓ* — кошка, *рӓс* — рысь, *порӓс* — свинья, поросенок), продукты (*саӓэр* — сахар, *пирик* — пирог, *винкӓ* — вино, *пива* — пиво), овощи (*рӓпкӓ* — репа, *капуста*, *мӓрковӓ* — морковь). Интересными свидетельствами усвоения новых реалий в исторически разные периоды являются такие примеры: *писӓр* — писарь, *пӓсмӓн* — весы (от рус. *безмен*), *сӓлков* — рубль (от рус. *целковый*).

В другом словаре хантыйского языка (казымский диалект), предназначенном для учащихся начальных классов [Соловар, 1997], отмечено менее 1,5% русскоязычных заимствований. В основном это лексика, относящаяся к предметам быта, пище, одежде и профессиям и вошедшая в обиход довольно давно (*леккӓр*, *тохтӓр* — врач, *пушкан* — ружье, *пӓрка* — бурки и т.д.).

А.Е.Аникин, составивший словарь русских заимствований в языках Сибири [Аникин, 1998], отмечает, что значительный пласт русизмов в аборигенных языках представляет собой лексику русских старожильческих говоров, включая говоры русских первопроходцев и первопереселенцев, о чем свидетельствуют памятники русской сибирской письменности XVII—XVIII вв. [Аникин, 1998: 4]. Автор установил, что на ранних стадиях контактов русских с коренным населением региона русский язык был

¹ Здесь и далее мы пытались, по возможности, сохранить орфографию, принятую авторами словарей или других источников.

представлен по преимуществу северорусскими говорами, в конце XIX — начале XX вв. основную массу переселенцев составили носители среднерусских и южнорусских говоров. Описанная лексика может служить источником наблюдений и обобщений не только в лингвистическом аспекте, но и в историческом и этнографическом.

Наши наблюдения над языковым материалом словаря А.Е.Аникина позволяют судить о характере лексико-семантических групп русских заимствований и о факторах, которые формировали их лингворегionalные особенности. Наибольшее количество русскоязычных заимствований в угорских языках относится к названиям строений, предметам жилища и быта, предметам и объектам хозяйственной деятельности. Названия меры, как следует из примеров, практически отсутствовали у коренных народов и поэтому перенимались у русских поселенцев. Это, как правило, реликтовые слова, проникшие на ранних стадиях освоения Сибири русскими. Немногочисленные заимствованные термины, обозначающие пищу, одежду, обувь, явления природы, растительного и животного мира, свидетельствуют о сохранении самобытности народов, их национальных гастрономических и других особенностей, обусловленных хозяйственным и бытовым укладом. Редки примеры усвоения мифологических и фольклорных элементов другой культуры. Русские названия животных, растений или плодов появляются в языках аборигенов в тех случаях, когда в местах их обитания такие объекты природы отсутствуют. Следы христианизации коренных народов Севера также нашли свое отражение в языке, при этом некоторые термины, например, *Иордань*, используются уже не в религиозном, а обыденном смысле — для обозначения проруби во льду, у некоторых народов — проруби для подводного лова.

Ряд примеров представляет интерес с точки зрения некоторых языковых процессов. Так, русское слово *помочь* в мансийском языке употребляется в значении «веселый». Здесь произошел сдвиг значений: рус. *помочь* — совместная работа > удовольствие > веселый [Аникин, 1998: 64]. Слово *пай* претерпело сужение значения: рус. *доля, порция, пай* (о пище); прием пищи, обед > количество пищи, необходимое собакам, лошадям на один раз. Очень распространены в Сибири «лосиные» названия

Большой Медведицы (*Лось*), например, в мансийском языке [Там же: 53].

В целом, заимствования по данным словаря А.Е.Аникина группируются следующим образом.

Таблица 1

Лексико-семантические группы	Примеры заимствований
строения, жилище, мебель	<i>амбар</i> (манс., хант.), <i>баня</i> (манс., хант.), <i>чердак</i> (хант.), <i>лабаз</i> (хант., нен.), <i>матка</i> (хант.), <i>погреб</i> (манс.), <i>подполье</i> (манс.), <i>казенка</i> (хант.), <i>болок</i> (нен.), <i>скамья</i> (манс.), <i>сундук</i> (манс., хант., нен.)
предметы быта	<i>банка</i> (манс., хант.), <i>булавка</i> (манс., хант.), <i>ведро</i> (манс., хант.), <i>веник</i> (манс., хант., нен.), <i>замок</i> (манс., хант.), <i>крюк</i> (манс., хант.), <i>пузырь</i> (манс. — бутылка, хант. — стекло керосиновой лампы), <i>стакан</i> (манс., хант., нен.), <i>рюмка</i> (манс., хант.), <i>самовар</i> (манс., хант., нен.), <i>кирпич</i> (манс., хант., нен.), <i>ключ</i> (манс.), <i>куль</i> (манс., нен.), <i>свеча</i> (хант., нен.), <i>туес</i> (манс., хант., нен.), <i>труба</i> (манс., нен.)
предметы и объекты хозяйственной деятельности	<i>бурав</i> (хант., нен.), <i>капкан</i> (манс., хант.), <i>пулька</i> (манс.), <i>порох</i> (манс.), <i>куштан</i> (хант. — заступ), <i>ловда</i> (манс. — поплавок сети), <i>маньцик</i> (хант. — чучело подсадной утки, приманка), <i>фитиль</i> (манс. — вид рыболовного снаряда)
пища	<i>сахар</i> (манс., хант., нен.), <i>сухарь</i> (манс., хант.), <i>лепешка</i> (манс.), <i>шаньга</i> (манс., хант.), <i>вино</i> (манс., хант., нен. — водка, спирт)
одежда, обувь, ткани	<i>армяк</i> (манс., хант.), <i>шаль</i> (манс., хант.), <i>камка</i> (хант., нен. — шелк), <i>рогожа</i> (хант.), <i>башимак</i> (манс., хант.)
мера	<i>ведро</i> (нен.), <i>верста</i> (манс., хант., нен.), <i>вершок</i> (манс., хант.), <i>восьмуха</i> (манс., хант. — мера веса), <i>деньга</i> (манс.), <i>фунт</i> (манс., хант.), <i>пуд</i> (манс., хант.)
социально-общественные явления	<i>аренда</i> (манс., хант.), <i>барыш</i> , <i>казна</i> , <i>жисьё</i> (манс. — жизнь, хант. — имущество), <i>помочь</i> (манс. — веселый)
явления природы	<i>бус</i> (манс. — мелкий дождь, туман), <i>море</i> (манс.), <i>няша</i> (хант. — ил, жидкая грязь), <i>тундра</i> (манс.)

животные, рыбы	<i>бусый</i> (манс. — темно-серая лошадь), <i>векша</i> (манс. — белка), <i>ёрш</i> (хант.), <i>чебак</i> (манс.), <i>шокур</i> (хант. — рыба сиг)
растения	<i>дуб</i> (манс. — в местах обитания не растет, ханты знают о нем понаслышке), <i>яблоко</i> (хант.)
антропонимы	<i>голова</i> (манс. — начальник), <i>старшина</i> (манс., хант.), <i>толмач</i> (манс., нен.), <i>хозяин</i> , <i>хозяйка</i> (манс.)
религиозные термины	<i>Благовещение</i> (манс., хант.), <i>Иордань</i> (хант. — прорубь во льду, часто в широком значении), <i>Покров</i> (манс., хант., нен.), <i>помози бог</i> (манс. — выражение благодарности)
мифологические, фольклорные элементы	<i>дьявол</i> (манс., хант., нен.), <i>суседко</i> (манс., хант. — домовый), <i>мага-птица</i> (манс. — волшебная птица, выносящая героя из подземного мира наверх)

В свою очередь в русский язык давно вошли и воспринимаются исконными такие названия, как *морошка* (от остяцкого *морох*), *муksун* и т.д. Из хантыйского пришло название Сибири (*Сабирь*), отсюда и встречающееся иногда название русских — *сабир-ку*, т.е. сибирский человек [Шатилов, 2000: 55]. В словаре специальной лексики Обь-Иртышского междуречья, составленном А.М.Кошкаревой [Кошкарева, 2006], отмечен ряд слов, заимствованных из языков коренных жителей. К ним относится, прежде всего, лексика, связанная с рыболовным промыслом: *ахан* — ловушка для рыбы в виде фитиля больших размеров; *кямка* — морда, сплетенная из тальника; *вонзь* — время весеннего подъема рыбы; *майна* — большая прорубь для пуска невода при подледном лове рыбы; *патанка* — блюдо из мороженой рыбы; *юрок* — сухая рыба; *юшка* — уха и др. Подробные сведения о типах заимствований из угорских языков содержатся в монографическом исследовании автора [Кошкарева, 2003]

Следует отметить, что не всегда обозначение новых реалий осуществлялось в языках обских угров за счет заимствований из других языков. В связи с этим интересным представляется исследование, которое провела Бригитте Шульце на материале хантыйского языка [Шульце, 1996]. Автор выяснила, что в ряде многозначных слов наблюдается «прирост» новых сем, очевидно, под влиянием русского языка, который позволяет обозначить с помощью существующих слов возникшие реалии. Так, слово *ясанг* —

«язык, слово» обозначает также «обещание, разговор, рассказ»; *нэпек*, обозначавшее первоначально «исписанная бумага», имеет тенденцию к развитию абстрактных значений, например, «указ, закон».

Таким образом, одним из факторов, определяющих развитие и сосуществование языков в регионе, является *социально-исторический*. Другим важным условием, влияющим на языковые региональные особенности, является *природохозяйственный фактор*. По этому поводу французский лингвист Клод Ажеж высказывает мысль о необходимости введения специального направления — «эколингвистики», отмечая, что этому разделу науки в будущем предстоит изучить, каким образом интегрируются культурные «естественные» ориентиры: стороны света, особенности ландшафта и жилища, космические феномены [Ажеж, 2003: 233]. Заметим в связи с этим, что в языке отражается восприятие человеком природных явлений, объектов природно-хозяйственной деятельности, имеющих свою региональную специфику или уникальность.

Роль социально-исторического и природохозяйственного факторов хорошо просматривается на примере топонимов. По справедливому замечанию А.К.Матвеева, «топонимия любого этноса является ценным источником для изучения языка, истории, культуры, а также контактов с соседними народами. Однако использовать топонимию как исторический источник очень не просто. В частности, в топонимических системах языческих народов историческое теснейшим образом сплетено с образным народным видением, с мифологией, а также с устной фольклорной традицией, т.е. такая топонимия глубоко синкретична» [Матвеев, 2006: 251].

Топонимия западносибирского региона отличается большим разнообразием как по своему происхождению, так и по своим структурно-семантическим особенностям. По мнению большинства исследователей, в номинации географических объектов в Сибири могли участвовать различные народы — как ныне живущие, так и исчезнувшие или переселившиеся в другие места. Семантика топонимов характеризуется неполным соответствием и у народов с разными зонами обитания, и у народов, населяющих одну территорию [Матвеев, 2006: 112]. Это несоответствие

объясняется географическими особенностями, спецификой быта, а также отличиями в образном восприятии мира, находящем отражение в языке. В районах поселения коренных народов параллельно с официальными названиями существуют наименования географических объектов на языках этих народов. Изучению топонимики обско-угорских народов в разное время было посвящено достаточное количество работ, с обзором ряда из них можно познакомиться в исследовании Т.Н.Дмитриевой [Дмитриева, 2005: 39—41].

Воспользовавшись данными о топонимике бассейна реки Аган, представленными в исследованиях Е.В.Переваловой и К.Г.Карачарова [Перевалова, Карачаров, 2006: 194—206], мы попытались составить общую картину особенностей мотивации топонимов в пределах данной территории обитания.

Выявляются следующие группы и подгруппы топонимов, объединенных определенными принципами номинации.

Таблица 2

Группы топонимов	Подгруппы	Примеры из хантыйского / ненецкого языков
По свойствам и качествам географических объектов и их связям с окружающими объектами	Типы водоемов	<i>Сан</i> — Ручей, соединяющий старицу с рекой; <i>Мекуп</i> — река без начала / <i>Вытю</i> — Чистое болото с подземной рекой
	Размеры водоемов	<i>Вач явэн</i> — Узкая речка; <i>Ай рап</i> — Маленький яр / <i>Тотяай</i> — Большое озеро
	Характер течения, состояние дна и воды	<i>Кор явэн</i> — Болотная речка; <i>Савы явэн</i> — Глиняная речка / <i>Тяса-ту то</i> — Песчаное озеро
	Приречный ландшафт	<i>Рап</i> — Обрывистый берег, яр; <i>Сэй</i> — Песчаная коса / <i>Пай со-хо</i> — Скалистая гора

	Состав лесного массива акваторий	<i>Наңк явэн</i> — Лиственная речка / <i>Хулину тьяхат</i> — Без деревьев речка
	Цветовые характеристики	<i>Нэви рап</i> — Белый яр
	Дополнительные описательные характеристики	<i>Рап-пул</i> — Кусок-гора / <i>Ваңк-то</i> — Яма-озеро
	Местоположение относительно другого объекта	<i>Он тури</i> — Внутренняя протока / <i>Ньяйта вытю</i> — Поперек дороги расположенная речушка
	Наличие зоокомпонента	<i>Васхэт ури</i> — Утиный урий / <i>Луку то</i> — Глухаринное озеро
Связь с природо-хозяйственной деятельностью	Видовой состав рыб	<i>Мохтик явэн</i> — Сорожья речка; <i>Сорт явэн</i> — Щучья речка
	Способы и особенности рыболовного промысла	<i>Яв амэрмэ явэн</i> — Окуня черпать ручей; <i>Пой явэн</i> — Наст-речка
	Особые события, связанные с рыболовством	<i>Ас куль китъем ури</i> — Обскую рыбу поймали протока
	Собирательство и традиционные ремесла	<i>Канэк воньчи лоҳ</i> — Бруснику собирать место
	Схожесть по форме с орудиями промысла, бытовыми, культовыми предметами	<i>Пур-явэн</i> — Пешня-ручей; <i>Кунцип-рап</i> — Расческа-гора
	Маршруты-ориентиры	<i>Ав йича ютэ охэт</i> — Против течения идущий волок
Связь с человеком и его мировоззрением	Названия от имен, фамилий и прозвищ людей	<i>Лейков рап</i> — Лейковых яр / <i>Улька-тяха</i> — Улькина речка
	Названия от наименований этнических и территориальных групп	<i>Ярхан ях мьльаль</i> — Ненецкая переправа; <i>Панкин ури</i> — Панкина протока

	Религиозно-мифологические представления	<i>Йимэң ури</i> — Святая старица; <i>Вассэн ури</i> — Водяного чудища протока
--	---	--

Из таблицы следует, что «природоописательные» топонимы бассейна реки Аган подчеркивают особенность флоры, фауны, рельефа, почвы и даже состояния растительности. Многообразие названий связано с основными занятиями коренного населения, среди них — топонимы, образованные по принципу схожести формой или очертаниями с орудиями промысла, бытовыми и культовыми предметами [Перевалова, Карачаров, 2006: 198—199].

По мнению исследователей, топонимические наименования имеют и практическое значение, поскольку они являются одновременно системой ориентиров, важных для занятий охотой и оленеводством. Детальная характеристика местности отражена в названиях *вонт таейт* — «среди болота растущие кедры», чимис — «кочки с сушняком», которые нефтяники называют «хантыйками» [Там же: 196]. «Маршрутное видение» географических названий помогало коренным жителям осваивать определенные местности: так происходило освоение географической среды еще с древности [Матвеев, 2006: 123], а также позволяло запоминать «оленные дороги» (маршруты оленеводов) [Перевалова, Карачаров, 2006: 203].

Таким образом, топонимы с древних времен выполняли эстетическую, мифолого-религиозную функцию, использовались в качестве эквивалента настоящей карты или ориентира на местности, а в целом служили и продолжают служить важнейшим источником информации об образе и условиях жизни народов, населяющих тот или иной регион.

Следует отметить, что составление словаря «народной» топонимической лексики, не всегда зафиксированной в письменном виде, — прекрасный источник информации не только об особенностях отражения восприятия мира в языке, но также о самой территории региона.

Обратимся более подробно к особенностям топонимики Нижневартовского района. В пределах этого района соседствуют хантыйские, ненецкие, мансийские, селькупские и русские по

происхождению названия. Языковая принадлежность топонимов определяется анализом их компонентов.

Топонимы селькупского происхождения фиксируются в русских документах с XVII в. В Нижневартовском районе селькупские названия представлены ойконимами антропонимического происхождения (*Покачи*), а также отдельными гидронимами. Ненецкие топонимы отмечены гидронимами с компонентом *яx(a)* — ‘река’: Еккуньях, Энт-Негусьях, Кыртынах, Нючаяха, Чёнтьяха, Тятльтяха, Конъятьялома-Тяха. Компонент *то* встречается в селькупском и ненецком языках, принадлежащих к одной самодийской языковой группе: в первом случае *то* (*ту*) обозначает «озеро небольшой величины», во втором — просто «озеро». К названиям с самодийским компонентом *то* относятся: *Тяйлу-сенто*, *Кыпишиито*, *Нямтытяйто*.

Значительная группа географических названий Нижневартовского района является по языковой принадлежности хантыйской и чаще всего связана с ваховским диалектом. Наиболее распространенными компонентами, позволяющими судить о хантыйском происхождении топонимов, являются: *лор* — «озеро», *эмтор* — «озеро»; *ёган* — «река»; *игол* (*игал*) — «речка», «малый приток»; *яун* (от *ягун*) — «река»; *пас* — «рукав, протока» или «ловушка на рыбу»; *пугол* — «неукреплённые селения», *як* (*яx*) — «народ».

Пришедшие из селькупского, хантыйского и ненецкого языков географические наименования подверглись определённой русификации, что нашло отражение в официальных документах — физико-географических и административных картах. В научной, научно-популярной и художественной литературе встречаются варианты названий, обусловленные орфографическими расхождениями или основанные на данных разноязычных информантов. Известно, что в местах расселения ненцев существуют свои собственные названия географических объектов [Сподина, 2001; Вэлла, 2004].

По исследованиям Н.К.Фролова [Фролов, 2003], система русской топонимии отражает различные исторические этапы заселения территории Западной Сибири. Русские по звучанию и значению топонимы составляют основу собственно русской топонимической системы региона. Другую её часть составляют заимствования из топонимии дорусского населения: Вах. Наиболее ранними

считаются наименования без вещественной деривации: озёра Белое, Круглое, пос.Высокий, г.Радужный. Большое место в русской топонимии занимают наименования, связанные с личным именем или прозвищем: река Ивана Степановича (приток Оби), оз.Афонькина, оз.Лысенкова, пос.Соснина, пос.Былино. Последнее название связано, очевидно, с именем одного из пионеров северного садоводства, много лет проводившего садоводческие опыты, успешно занимавшегося овощеводством и садоводством, — Былино Генриха Владиславовича. Его опыт обобщали, была выпущена специальная брошюра [Югория, 2000].

Есть предположения, что отдельные русские географические наименования могут быть кальками — переводом на русский топонима, созданного местным населением [Малолетко, 1992]: оз.Щучье, оз.Окунёво, р.Большая Запорная, Ершовая речка, р.Собакина, Тундровая, Берёзовая. Эта гипотеза подтверждается тем, что хантыйские, ненецкие названия рек, озёр и некоторых поселений содержат подобные компоненты: Сартэмтор (в хантыйском Щучье озеро), Мохтикёган (мохтик — чебак, рыба), Коленьёган (в хантыйском Вороновая река), Вареньёган (в хантыйском Запорная речка).

Региональная топонимика является своеобразным «хранилищем» не только языковой специфики, но и элементов культуры, быта, хозяйствования живущих на данной территории народов, а также их представлений об окружающем мире.

Характерной особенностью топонимов Нижневартовского района является присутствие в них компонентов, название которых соответствует объектам наименований: гидронимы (названия водных объектов) содержат элементы ‘река’, ‘речка’, ‘протока’, ‘большой приток’, ‘малый приток’; ойконимы (названия населённых пунктов) — ‘поселение’, ‘неукрепленное селение’, ‘юрта’, ‘народ’ и др.

Нетрудно заметить, что гидронимы, имеющие, как правило, многокомпонентную структуру, указывают часто на размеры объекта: хантыйское *еган/ёган* означает ‘малая река’, *игол/игал* — ‘речка, малый приток’, *аган* — ‘река средней величины’; селькупское *то* — ‘озеро небольшой величины’. Обозначение размера водного объекта может уточняться. Так, в хантыйских по происхождению наименованиях присутствуют элементы: *ай* —

‘маленький’ (Ай-Саккунъёган), *элле* — ‘большой’ (Эллеёган, Эллевоноёган, Эллелотоэмтор, Эллеаттемэмтор); *ёган* — Ватъёган — «Узкая речка», Ванъёган — «Недлинная (короткая) речка». В гидронимах русского (или русифицированного) происхождения также встречаются указания на размер водных объектов: реки Большой Покур, Малый Вах, Большая Запорная, Большой Посол; озера Большое Окуновое, Большое Пылинское, Глубокий Сабун.

Региональные топонимы отражают и другие природные особенности объектов наименования, такие как ландшафт и месторасположение: Мелегъёган (хантыйское *мелег* — «глухой, не имеющий стока»), Мыкпайэмтор (хант. «Земляного острова озеро»), Колекъёган (хант. «Чистого мохового болота озеро»), Куйпетъёган (хант. *куй* — «болото», *пэйте* — «уронить», т.е. «Впадающая в болото речка»); Эллепугол-Эмтор (хант. «Большой Юрты озеро»), Лабазъёган, Ватъёган (хант. «У города река»).

В ряде топонимов закреплены ассоциативные связи с животным и растительным миром как результат природохозяйственной деятельности населения — охоты, рыболовства или наблюдения за представителями фауны и флоры: Кульеган (хант. «Рыбная река»), Мохтигъёган, Мегтыгъеган (хант. *мохтиг* — «чебак, рыба»), Сартэмтор (хант. «Щучье озеро»), Агрньёган (хант. «Язя река»), Колекъеган (хант. «Вороновая река»), Вонтэръёган (хант. *вонт* — «лес, урман»), Вареньёган — Запорная речка (хант. *вар* — «запор» — деревянная преграда рыбе, выходящей из речки). В русских топонимах наблюдаются сходные семантические типы: реки Горельная, Тундровая, Собакина, Ершовая речка, Большая Запорная, Березовая, Засольная; озера Большое Окуновое, Щучье, Окунево, Верховое, Сибкраевское (от Сибирский край).

Своеобразие топонимов Нижневартовского района проявляется в наличии этнонимических и отантропонимных типов. Это отмеченные выше названия — река Ивана Степановича, озеро Афонькина, озеро Лысенкова, поселки Соснино и Былино, а также поселок Покачёвский (рода Покачёвых), река Рутьлёконэмтор (хант. *руть* — «русский»), кроме того, наименования с компонентом из хантыйского языка *ях/яха* — ‘народ’: реки Чёнъяха, Нючяха, Еккуньях; поселок Ларьяк.

Отдельные названия связаны со священными местами или легендами о духах, обитавших в тех местах. Как описывает В.И.Сподина [Сподина, 2001], хантыйское название озера Сыслор связано с преданием о духах, которые, нырнув в озеро, расположенное неподалеку от Покачей, вынырнули на противоположной стороне, произнеся «сыс», т.е. «долгое». Соседнее озеро получило название Йимын-лор (Священное озеро), где живут эти духи. В составе подобных топонимов встречаются компоненты *торм/торум* — «верховное божество» (Тормэмтор, Торум-Кат-Пугол), *лунг* — «дух» (Лунгэмтор).

Топонимы, обозначающие рельеф местности, содержат компоненты 'увал', 'урман', 'гора', 'урочище', 'бор', 'материк': Урочище Черный Урман, Сабунский Бор, Аганский увал, Сибирские Увалы, Урочища Высокий Материк, Горелый Материк, Нинканьеганский Материк. В хантыйских названиях также содержатся элементы, указывающие на вид местности: *хым* — 'яр' (Урочище Вантыяхым), *тяр* — 'груда' (болото Сакальтяр), *кор* — 'чистое топкое болото' (болото Поттым-Куккор), *куй* — 'болото' (Урочище Вороккуй).

Происхождение ойконимов Нижневартковского района связано в основном с обозначением вида или места поселения, о чем свидетельствуют компоненты: хантыйский *ват* — 'город', в других источниках: *вата* — 'укрепленное поселение' (д.Вата); хантыйский *пугол* — 'неукрепленное селение, юрты' (пос.Кож-Ран-Пугол, пос. Локонтпугол); мансийский *кур* — 'деревня' (пос.Покур); хантыйский *нас* — 'протока' (г.Лангепас, д.Пасол). Часть населенных пунктов имеет названия, связанные с наименованиями близлежащих рек: поселки Сыртъеган, Варьеган, Усть-Колекъеган, Колекъеган, Лабазъеган, Асес-Ёган.

К югу от города Нижневартовска преобладают русские наименования, представляющие разнообразные семантические типы, в том числе связанные с природно-ландшафтными особенностями: поселки Высокий, Чистоборск, Излучинск, Белозерный, Сосновый бор, Быстрая протока, Зайцева речка.

Рассмотренные примеры позволяют судить не только об общих тенденциях в наименовании географических объектов отдельного региона, но и об особенностях отражения в топонимической лексике окружающей действительности.

Наконец, принято говорить о *биосоциальном* факторе, определяющем языковые (и не только) особенности, выявленные при изучении механизмов когнитивной эволюции. Этой проблеме посвящен специальный раздел второй главы (см. 2.3).

Итак, лингворегионалистика является частью особого пространства (и реального, и информационного), которое представляет собой взаимодействие национально-культурных и языковых полей.

1.3. Регионализмы. Проблемы эквивалентности. Реалии, лакуны

Регионализм в словаре иностранных слов определяется как подход к рассмотрению и решению социальных, политических, экономических и других проблем под углом зрения интересов и потребностей того или иного региона [Словарь иностранных слов, 1989: 432]. В лингвистике регионализмы, наряду с этнографизмами, экзотизмами и варваризмами, рассматривают обычно среди заимствований, обозначающих свойственные чужим народам или странам понятия [ЛЭС, 1990: 158]. Этот пласт безэквивалентной лексики включает также такие явления, как *реалии*, *локализмы*, *лакуны* (или *пробелы*). Все эти понятия роднит, во-первых, характер национального, местного, бытового своеобразия, во-вторых, отсутствие соответствий в других языках, в-третьих, ограничения в употреблении, связанные с особенностями обозначаемых ими явлений и предметов действительности. Можно согласиться с тем, что в целом регионализмы представлены реалиями как конкретными, зримыми элементами национального своеобразия [Влахов, Флорин, 1986:5], однако, как мы убедились выше (см. 1.1), в российских многонациональных регионах очень часто языки испытывают взаимодействие и взаимовлияние, поэтому реалии могут носить именно региональный характер. Регионализмы, таким образом, могут входить в сферу территориальных особенностей лексики.

Термин *реалия* используется в лингвистике, в методике преподавания иностранных языков, наиболее широко — в переводоведении. Под реалиями понимаются: названия предметов материальной культуры, исторических фактов, государственных институтов,

имена национальных и фольклорных героев, мифологических существ, присущих только определенным народам [Томахин, 1988: 5]; специфические национальные слова и обороты, не имеющие эквивалентов в быту, и, следовательно, в языках других народов [Соболев, 1992: 281]; наименования национально-культурных объектов, мало или совсем не известных переводящей культуре [Казакова, 2000: 72]; «чисто местное явление, которому нет соответствия в быту и в понятиях другого народа» [Федоров, 2002: 184]; наименования природно-климатических зон и их элементов, названия животных и растений, обозначения явлений природы, названия национальных блюд, предметов обихода [Корнилов, 2003: 149]. По мнению Р.М.Фрумкиной, семантика слов, обозначающих определенные культурные реалии, должна изучаться при условии привлечения широкого культурного контекста. При этом важно избавиться от попыток рассматривать важные для других культур понятия сквозь призму своей культуры [Фрумкина, 2003: 55].

От реалий отличают *лакуны*, которые выявляются при знакомстве с другим языком и являются именами знакомых, понятных, но не названных в своем языке предметов мысли [Манякин, 2004: 40]. Лексическая лакуна — это отсутствие в системе одного языка эквивалента для лексической единицы другого языка [<http://ru.wikipedia.org/wiki>] или отсутствие даже приблизительных соответствий определенным концептам того или иного языка [Корнилов, 2003: 180]. Под лакунарностью также понимается значимое отсутствие определенных признаков и единиц в одной системе по сравнению с другой [Иная ментальность, 2005: 8]. К безэквивалентной лексике относят также имена собственные и названия, известные носителям другого языка, но имеющие сугубо национальные коннотации, например, национально окрашенные топонимы [Седых, 2004: 180—184]. Лакуна не всегда может быть синонимом реалии, так как, по мнению С.И.Влахова и С.Флорина, сужает это понятие [Влахов, Флорин, 1986: 37].

О.А.Корнилов различает обозначения национально-специфических реалий бытования народа и абстрактных понятий, отражающих ментальность, национальный характер. Подчеркивается, что уникальность вербального отражения действительности

определяется как различиями объективных реальностей мира, данного конкретному этносу в непосредственных ощущениях, так и «особенностями коллективного сознания, которые проявляются в неодинаковости логических операций над одними и теми же реалиями внешнего мира» [Корнилов, 2003: 149]. Кроме того, реалии, обусловленные самими различными явлениями и объектами действительности, как считает автор, делятся на два вида: обозначения специфических концептов, отсутствующих в других языках (*валенки, самовар, цзи*), и обозначения неспецифических концептов с разными прототипами. Первые не могут быть переведены на другой язык, поскольку в его системе кодирования знаний о мире нет соответствующих образов этих концептов, а в самом материальном мире отсутствуют подобные объекты. Во втором случае имеет место примерная эквивалентность на уровне концептов и отсутствие ее на уровне образов — прототипов [Там же: 155—156]. В таком случае речь идет о несколько ином, этноспецифическом обобщенном образе представителя соответствующего объекта. В качестве иллюстрации используем следующие примеры. Особое значение, не свойственное русскому слову *зеленый*, имеет немецкое слово *grün* — *свежий*, применяемое не только по отношению к зелени (*grünes Fleisch* — *свежее мясо*) [Левковская, 2005: 167]. Русское слово *сутки* не имеет прямого соответствия в немецком, английском, французском языках, но соответствующие обозначения имеются. Так, во французском языке используется выражение *24 heures*. Кстати, по аналогии с подобными обозначениями в некоторых российских городах длинное название «круглосуточный» (магазин) заменяют на краткое «24».

Итак, в круг изучения регионализмов входят реалии и лакуны. Проблема их изучения заключается в специфике языковых единиц, которые служат для обозначения данных понятий, и в установлении принципов классификации реалий. Кроме того, исследуемая проблема связана с решением ряда теоретических вопросов, таких как возникновение этнографических лакун и оптимизация межкультурного общения [Муравьев, 1980; Быкова, 1999].

Взяв за основу принципы классификации реалий, предложенные С.И.Влаховым и С.Флориным [Влахов, Флорин, 1980], предлагаем следующую схему анализа.

Таблица 3

Временной критерий	Территориальный критерий	Предметно-объектный критерий
I. Современные реалии. II. Исторические реалии.	I. Национальные реалии. II. Региональные реалии. III. Локальные реалии. IV. Микрореалии. V. Интернациональные реалии.	I. Географические реалии. II. Этнографические реалии: 1) жилище, предметы быта; 2) предметы/объекты хозяйственной деятельности; 3) пища; 4) одежда, обувь; 5) культура, обычаи, традиции; 6) родственные отношения; 7) меры, деньги.

Временной критерий предполагает условное деление реалий на исторические (историзмы) и современные, т.е. получившие отражение в современном языке.

Территориальное деление должно, на наш взгляд, отражать ареалы распространения реалий. Национальные реалии называют объектами, принадлежащие определенной нации, они присущи языку этой нации и способны вызывать ассоциации, связанные с данным народом; локальные реалии принадлежат диалекту, наречию, говору либо языку менее значительной социальной группы; микрореалии — термин условный, он обозначает узколокальную принадлежность словарной единицы городу, селу, даже семье [Влахов, Флорин, 1980: 57—65]. К региональным реалиям мы предлагаем отнести те, которые распространены среди нескольких народов, населяющих отдельные регионы. Интернациональные реалии, по мнению С.И.Влахова и С.Флорина, фигурируют в лексике многих народов и обычно сохраняют исходную национальную окраску.

Предметно-объектное деление реалий обусловлено отражением в языке природохозяйственных и национально-культурных

особенностей. Остановимся на этом принципе классификации реалий и рассмотрим некоторые особенности названий объектов физической географии.

В русском языке встречается ряд реалий, связанных с особенностями климатических и других природных условий тех или иных регионов страны: *полынья* — пространство чистой воды среди сплошных льдов или на их границе; *шуга* — мелкий рыхлый лед, появляющийся перед ледоставом во время ледохода; *зажор* — скопление шуги с включением мелкобитого льда в русле водотока. Такого рода термины передаются на другие языки при помощи описательного (разъяснительного) или комбинированного перевода. Так, на французский язык *полынья* передается сочетанием *éclaircie (f) entre les glaces*. Термин *сопка*, обозначающий вид возвышенности, типичный для Дальнего Востока, представляющий собой небольшую гору с округлой вершиной, может быть переведен на французский язык как *mont (m)* — гора; *monticule (m)* — горка; *hauteur (f)* — холм; хотя это и не отражает русскую реалию в полной мере. Наименования ряда природных зон, таких как *степь*, *тундра*, *лесостепь*, *лесотундра*, *тайга*, *сибирская тайга* представляют собой реалии, которые передаются в других языках транслитерацией или полукалькой, например, на французский язык: *steppe (f)*, *toundra (f)*, *forêt-steppe (m)*, *toundra (f) coupée de forêts*, *taïga (f)*, *taïga (f) sibérienne*.

В свою очередь, во французском языке мы находим такие реалии, как: *bise (f)*, *vent (m) du nord-est* — биз, северный ветер; *mistral (m)* — мистраль, холодный северо-западный ветер. «Мистраль, — говорится в электронной энциклопедии “Википедия” [<http://ru.wikipedia.org/wiki/География>], — дующий с Севенн на средиземноморском побережье Франции в весенние месяцы, является настоящим бичом сельского хозяйства долины Роны и всего Прованса; часто ветер настолько силен, что вырывает с корнем деревья, его постоянное влияние заметно на одиноко растущих деревьях, которые зачастую наклонены к югу». О том, что мистраль является именно французской реалией, говорит следующий факт: в Марселе ежегодно проходит фестиваль ветра, посвященный мистралю. Отметим также такие французские реалии, относящиеся к растительным ландшафтам, как *bocage (m)* — *бокаж* — поля, окаймленные лесными полосами; *bosquet*

(*m*) — *боскет* — замкнутый участок парка с насаждениями правильной геометрической формы, ограниченные живой изгородью. Оба термина могут также обозначать такую форму растительного ландшафта как *роцца*, тогда они не будут являться реалиями.

Заметим, что географические термины отражают непосредственное восприятие этносом окружающего мира. Изучение этого слоя лексики определенного языка может нам многое рассказать о его носителях, об их мироощущениях, а также о словотворчестве — создании специфических для национального языка наименований, которые могут отсутствовать в других языках. В таких случаях мы наблюдаем *лакуны*. Так, к лакунам во французском языке можно отнести типичные для русской зимы явления: *метель*, *вьюга*, *пурга*, которые переводятся словосочетанием *tempête (f) de neige* (снежная буря). Указанные русские термины, очевидно, не являются реалиями, так как данные природные явления хотя и редко, но можно наблюдать на территории Франции (в таких случаях говорят о природных катаклизмах). Иногда встречаются лакуны, наличие которых трудно объяснить особыми природными условиями. Так, в русском языке скопление капелек воды на траве, листьях и т.д. обозначается словом *роса*, тогда как во французском языке кроме слова *rosée (f)* — роса имеется специальное обозначение для росы на листьях — *aiguail (m)*. Русскому слову *гора* соответствуют французские синонимы *montagne (f)* и *mont (m)*, которые имеют одно значение, но разную лексическую сочетаемость: *le mont Blanc* — Монблан, *le mont des Oliviers* (библ.) — гора Елеонская; *chaîne de montagne* — горная цепь, *station de montagne* — горнолыжная база и т.д. Сходные примеры можно наблюдать в хантыйском и мансийском языках. Так, сосновая, еловая, пихтовая и лиственничная шишки в хантыйском языке (ваховский диалект) обозначаются одним словом — *пõки*, а для кедровой шишки существует специальное наименование — *наугр*. В мансийском языке кроме общего названия травы — *пум* имеется слово для обозначения молодой травы — *вãнсы*. В подобных случаях можно говорить о неполной лакунарности, когда в другом языке есть эквиваленты, содержащие дополнительную коннотативную или коннотативно-номинативную информацию [Филатов, 1981: 174].

Примеров несовпадения лексических систем разных языков многочисленны, они обнаруживаются при сравнении различных языков. Так, в русском языке имеется одно слово *море*, в немецком — *das Meer* и *die See*. Как отмечает К.А.Левковская, различие в синхроническом плане не может быть точно определено без специальных исследований [Левковская, 2005: 165—166]. Реальное семантическое различие между этими терминами обнаруживается в исторически сложившемся употреблении: для слова *das Meer* характерно образное обозначение большого количества (*ein Meer von Licht* — море света), которое слову *See (f)* чуждо.

Рассмотрим другие примеры. Если в русском языке такие водные объекты, как реки, имеют одно обозначение *река*, то во французском языке различаются *rivière (f)* — река, впадающая в другую реку, и *fleuve (m)* — река, впадающая в море. Подобные различия наблюдаются при сравнении следующих обозначений: русскому *водопад* во французском языке соответствуют *cascade (f)* и *cataracte (f)*. *Cataracte (f)* — это водопад на большой реке, превышающий по размерам *cascade (f)*. В русском языке объем понятия термина *ледяной затор* покрывает французские понятия *embâcle (m)* — ледяной затор на реке и *banquise (f)* — ледяной затор на море. В русском языке разные типы берегового рельефа обозначаются словом *берег*. Во французском языке разновидности берегов отражены терминами, разграничивающими понятия, имеющие отношение к водным пространствам или особенностям береговой линии: *bord (m)* — берег моря, реки; *ravage (m)* — берег моря; *rive (f)* — любой берег, кроме морского; *berge (f)* — крутой берег реки. Русскому слову *побережье* во французском языке соответствуют эквиваленты *côte (f)*, употребляемый относительно любого побережья, и *littoral (m)* — морское побережье. В свою очередь французскому термину *plateau (m)* в русском языке соответствуют обозначения *плато*, *плоскогорье* и *нагорье*.

В хантыйском и мансийском языках довольно часто наблюдаются сходные примеры, когда русскому термину могут соответствовать два или более эквивалента, уточняющих специфические особенности объекта. Например, в хантыйском языке существуют специальные термины для обозначения водных объектов по величине. Так, в ваховском диалекте: *joуэн* — река и *jыуэл* — небольшая речка; *төу* — озеро и *эм тэр* — большое озеро. Разновидности

берегов отмечены в ваховском диалекте обозначением отлогого, песчаного берега и в казымском диалекте специальными словами для наименований берега реки, песчаного берега и крутого, обрывистого берега. В мансийском отдельно обозначены крутой берег (*ăврах*), торфяной берег (*тунра*) и скалистый берег (*нильтаң*). Таким образом, можно выделить случаи, когда в одном языке разные по характеристике объекты обозначаются при помощи эпитетов, а в другом языке им соответствуют специальные термины. В русском языке разный по характеру туман обозначается при помощи прилагательных *плотный*, *густой*, *легкий* и т.д. Во французском языке наряду с общим термином *brouillard (m)* имеются слова: *brume (f)* — легкий туман и *brouillasse (f)* — редкий туман, собирающийся капельками. В мансийском языке имеется несколько слов, называющих разные виды болот: *кѣлыг* — моховое, травянистое болото; *няр* — моховое, без травы болото; *хори* — болото с кочками, омутами. У этих же народов в языке зафиксированы такие различия в наименованиях, как гнездо на земле (*нитти*) и гнездо на дереве (*уми*), звезда на небе (*сов*) и звезда-знаменитость (*хус*); разные названия имеют губа человека и губа оленя, лапа зверя и лапа птицы. В хантыйском языке (ваховский диалект) имеются специальные слова для обозначения снега на ветках деревьев (*мур*), пьяного человека (*питэм*) и неряшливо обутого человека (*кăвсăли*), а также для различения видов мха: оленьего, лосиного и мха, растущего на деревьях.

Различные названия болотистой местности имеются и в северо-русских говорах Тюменской области: *зыбун* — топкое место с качающейся под ногой почвой; *омшанник* — моховое болото; *согра* — низкое болотистое место в лесу [Кошкарева, 2006]. Интерес вызывают наименования видов проруби: *запус* — большая прорубь, в которую запускают невод; *озьма* — прорубь, через которую вынимают невод; *майна* (абориг.) — большая прорубь для запуска невода при подледном лове [Там же].

Таким образом, на примере географических терминов мы увидели, как в языке отражается восприятие человеком природных явлений и объектов, имеющих свою территориальную специфику или уникальность (в виде *реалий*), и в какой степени в языках фиксируются те или иные их характеристики, в результате чего мы наблюдаем явление *лакунарности* (полной или частичной).

Большой пласт специальной лексики, отражающей региональную самобытность, составляют слова, связанные с оленеводством. Исследование подобной лексики, проведенное на примере хантыйского языка С.В.Ониной [Онина, 2003], свидетельствует о большом разнообразии как названий самих оленей, так и терминов, связанных с оленеводческим хозяйствованием. Так, названия оленей разделяются по месту их обитания, предназначению, по функции в стаде, по нраву, характеру и привычкам, например: *моръв* — упрямый, непослушный олень, *янъв* — тихий, медлительный во время езды, *хуры* — беспокойный олень. Есть даже специальные глаголы, передающие действия, которые производят только олени. Названия пастухов-оленоводо-дов также отражают их функции или качества: пастух ночного и дневного дежурства, пастух-погонщик, пастух, метко бросающий аркан и т.д. Как уже отмечалось, хантыйский народный календарь отражает разнообразные виды хозяйственной деятельности — охоту, рыболовство. С оленеводством также связаны некоторые названия месяцев: январь — месяц пересчета оленей, апрель — месяц выхода рогов-пантов, май — месяц рождения оленят, октябрь — месяц брачного гона оленей, ноябрь — месяц забоя оленей [Там же: 48—50].

Обратимся к материалу вышеупомянутых словарей хантыйского и мансийского языков и на основе предметно-объектного критерия выделим некоторые реалии, отражающие природу, рельеф территории, быт, традиции и другие культурно-национальные и региональные особенности.

Таблица 4

Хантыйский язык (казымский диалект)	Хантыйский язык (ваховский диалект)	Мансийский язык
<i>местность</i>		
<i>вэйт</i> — луговая сторона <i>хэңйт</i> — тонкое, заболоченное место <i>тұңкас</i> — болотистое место в бору <i>хумъс</i> — кочка на болоте	<i>қөмтэ</i> — местность, местность с мелким сосняком и кедровиком <i>лөқ</i> — курья (небольшой залив) <i>лар</i> — сор (заливной луг)	

природные явления		
<p><i>айлӑк</i> — глубокий снег <i>вӑл</i> — свежий слой выпавшего снега</p>	<p><i>лӑл</i> — наиболее крепкий слой дерева, обычно с северной стороны, где годовые круги мельче и плотно прилегают друг к другу; из такого слоя делают полозья нарт, луки <i>сӑв</i> — ручей, вытекающий из озера <i>сӗчӑӧҫк</i> — «осенцы» (лед, оставшийся с осени на суше после спада воды)</p>	
объекты, предметы хозяйственной деятельности		
<p><i>воньцуп</i> — берестяной кузовок для сбора ягод <i>хинт</i> — посуда из бересты для сбора и хранения ягод <i>ай хоп</i> — колданка (маленькая лодка) <i>сӑт</i> — брусок для заточки ножей <i>пун</i> — нить, сплетенная из сухожилий <i>нынмӑль</i> — охотничьи лыжи <i>льӑпӑх</i> — ковш для черпания льда <i>кавр</i> — «мохокопалка» (деревянный крюк из корня) <i>ваницӑсты сохӑль</i> — доска для раскраивания шкур <i>вал</i> — шест для управления оленями</p>	<p><i>кил</i> — «набирушка», «набирка» (для собирания ягод) <i>кӑлт</i> — шест, укрепленный на вершине дерева для подъема перевеса <i>лорӑм</i> — «синка» (нитка внутри невода, выпущенная на поверхность, сигнализирующая о том, что рыба вошла в невод) <i>вӑрпунт</i> — «котец» (загородка, устройство для ловли рыбы) <i>норјуу</i> — рожон, на который нанизывают обработанную рыбу для сушки <i>нас</i> — «рукав» (узкая трубообразная плетенка для ловли рыбы) <i>сӗрӑ</i> — навес для засолки рыбы</p>	

	<p><i>н'эл</i> — «заглотыш» (рыба, проглоченная щукой) <i>лоуыв</i> — «сак» для вычерпывания рыбы <i>сэңқыв</i> — «сак» для вычерпывания льда <i>рыт</i> — обласок <i>ууэл</i> — орудие, при помощи которого производится к.-л. действие, к.-л. работа <i>ол</i> — «мездревик» (скобель для обработки шкуры) <i>чомэл</i> — сруб в лесу, куда временно складывают мясо убитого зверя, ягоду, рыбу</p>	
дом, предметы домашнего обихода		
<p><i>мўльсўң</i> — передний угол дома <i>пўтхот</i> — место в избе, где хранится посуда <i>льый</i> — деревянная поварешка <i>сэн</i> — берестяной кузов для хранения пищи <i>тăхти</i> — оленья шкура, используемая для постели <i>хйт.лэвй̄н онтуп</i> — дневная люлька <i>ат онтуп</i> — ночная люлька</p>	<p><i>јаутыв</i> — угол в доме, где хранятся малоупотребительные вещи <i>пөрқат</i> — чум берестяной <i>н'урқат</i> — покрытый шкурами чум <i>соудн</i> — «чуман» (берестяная лохань) <i>јоумын'</i> — «корноватик» (корзинка из корней) <i>лэј</i> — деревянный черпак</p>	<p><i>сбмьях</i> — амбар (на сваях)</p>
пища		
<p><i>потум хўл</i> — строганина <i>юхй̄л</i> — сушеная рыба <i>шэмй̄х</i> — сушеная рыба, обжаренная в масле</p>	<p><i>лўс</i> — кушанье из толченой черемухи, поджаренной на огне <i>лөн'т'</i> — кушанье</p>	

	<p>в виде студенистой массы из отвара рыбьей чешуи</p> <p><i>пачы</i> — «позем» (сушеная рыба)</p> <p><i>пўнтэр</i> — особый вид сушеной рыбы</p> <p><i>чомақ</i> — сушеная рыба, из которой приготавливают муку</p> <p><i>пўт</i> — «порс, порса» (мука, изготовленная из сушеной рыбы)</p> <p><i>тэрн'я́н</i> — «сочни» (лепешки, испеченные прямо на огне в золе)</p>	
одежда, обувь		
<p><i>ильум</i> — стельки из сухой травы для обуви</p> <p><i>кэш чижы</i> — чулки из шкуры оленя мехом внутрь</p> <p><i>нир'я́н</i> — женские тапочки</p> <p><i>вей</i> — кисы</p> <p><i>молупци</i> — малица</p> <p><i>кўвц</i> — малица мехом наружу</p> <p><i>ошни</i> — овчинная шуба</p> <p><i>с'ах</i> — шуба женская</p>	<p><i>оспыл'н'ыр</i> — «чижи» (меховые носки)</p> <p><i>қолы</i> — кисы</p> <p><i>молэвсы</i> — кумыш (верхняя зимняя мужская одежда)</p> <p><i>лав л'опы</i> — пальто на беличем меху с меховым воротником</p> <p><i>пэл'н'и</i> — халат (мужской, старинный с отделкой из оленьей шкуры)</p>	<p><i>кёнсыг</i> — чулки меховые</p> <p><i>нэ в'ай</i> — женские кисы</p> <p><i>мольсяң</i> — малица</p>
традиции, обычаи, фольклор		
<p><i>вурґа хат'ь</i> — вороний день (праздник)</p>	<p><i>көлэм</i> — игра, состоящая в том, что две команды игроков отнимают друг у друга палочку, которую нужно положить на колышек, чтобы выиграть очко</p> <p><i>к'ярэс</i> — сказочное крылатое чудовище</p>	

	<p><i>tān</i> — калым, выкуп за невесту</p> <p><i>јимәлтә</i> — исполнять обрядовый обычай: ходить с покрытым лицом</p>	
<i>мера</i>		
	<p><i>сорт</i> — четверть (расстояние между вытянутыми большим и указательным пальцами)</p> <p><i>сири сорт</i> — косая четверть (расстояние между вытянутыми пальцами — от конца большого до сгиба указательного)</p>	
<i>отношения родства</i>		
<p><i>аңқаңки</i> — бабушка по материнской линии</p> <p><i>ицаици</i> — бабушка по отцовской линии</p> <p><i>аңицаици</i> — дедушка по материнской линии</p> <p><i>яй</i> — старший брат</p> <p><i>упи</i> — старшая сестра</p> <p><i>апәлнә</i> — младшая сестра</p> <p><i>атици</i> — младший брат (сестра)</p> <p><i>әспух</i> — племянник из рода матери</p> <p><i>ный</i> — младшая сестра матери</p> <p><i>эв'ьаң</i> — падчерица / дочь старшей сестры жены</p>	<p><i>әңки</i> — мать, <i>әсәт</i> — мать с детьми</p> <p><i>пирнәс</i> — крёстная мать</p> <p><i>јәу, әпы</i> — отец, <i>јәусәт</i> — отец с детьми</p> <p><i>пирнәјәу</i> — крестный отец</p> <p><i>әт'ы</i> — старший брат</p> <p><i>қақы</i> — младший брат</p> <p><i>ол'ы</i> — двоюродный брат</p> <p><i>т'әкәј</i> — младшая сестра</p> <p><i>нәј</i> — племянница (дочь брата)</p>	<p><i>анәквә</i> — бабушка (мать матери)</p> <p><i>сясәквә</i> — бабушка (мать отца)</p> <p><i>әсәйка</i> — дед (отец матери)</p> <p><i>әпарись</i> — дед (отец отца)</p> <p><i>ягыг</i> — брат</p> <p><i>каңк</i> — старший брат</p> <p><i>әнси, кась</i> — младший брат</p> <p><i>ягәги</i> — сестра</p> <p><i>увси</i> — старшая сестра</p> <p><i>эсь</i> — младшая сестра</p> <p><i>пәнт</i> — племянник (сын сестры)</p> <p><i>әнси, кәңк</i> — племянник (сын брата)</p> <p><i>әңк</i> — племянница (дочь сестры); двоюродная сестра (дочь тетки)</p>

		<p><i>эсь, увси</i> — племянница (дочь брата); двоюродная сестра (младшая)</p> <p><i>акв</i> — тетя, старшая сестра матери или отца</p> <p><i>ный</i> — тётя, младшая сестра матери; двоюродная сестра (по материнской линии — дочь дяди)</p> <p><i>увси</i> — тётя, младшая сестра отца; двоюродная сестра (по отцовской линии: старшая по отношению к говорящему — дочь дяди)</p> <p><i>аки</i> — дядя (старший брат отца)</p> <p><i>кацк</i> — дядя (младший брат отца); двоюродный брат по отцовской линии: старший по отношению к говорящему — сын дяди)</p> <p><i>сасыг</i> — дядя (брат матери); двоюродный брат (по материнской линии — сын дяди)</p> <p><i>āпси</i> — двоюродный брат (младший)</p> <p><i>пāнт</i> — двоюродный брат (сын тетки)</p> <p><i>анкваги</i> — двоюродная сестра (дочь тетки)</p>
--	--	--

Ярким примером национальной специфики является отражение в языке родственных отношений. Изучение терминов родства свидетельствует о существовании культурно-этнических доминант. Даже близкие языки имеют расхождения в обозначении терминов родства. Например, в болгарском языке имеются

специальные слова для различения дядьев: брат отца — *чичо*, брат матери или муж тети — *вуйчо*, муж тети (сестры отца или матери), муж сестры — *свако* [Манакин, 2004: 117]. Подобного дробления в современном русском языке нет, но в истории русского языка оно существовало и остается в местных говорах [Там же]. В традиционной русской культуре существовали три вида родства: кровное, через узы брака (свойство) и через обряд крещения [Фрумкина, 2003: 55]. Данные таблицы 4 свидетельствуют об отражении в обско-угорских языках дробности родственных отношений, прежде всего, наблюдается деление родственников на старших и младших. Подобный пример лексикализации культурно-этнической доминанты «культ старших» описан О.А.Корниловым на примере китайского языка, для носителей которого отсутствие концептов, эквивалентных понятию «родственники, которые старше меня», является лакуной [Корнилов, 2003: 181—183]. По мнению автора, в европейских языках отражается значимость происхождения от общих родителей, понятие старшинства осмысливается языковым сознанием как менее существенное.

В заключение этого раздела обратим внимание на то, что исследование языковой специфики может стать источником знания и о системных связях языковых элементов, и о представлениях о мире, содержащихся в языковом знаке. Как отмечает польский языковед В.Дорошевский, достаточно сравнить русское *дождь идет* с французским *il pleut*, чтобы констатировать, что способ языкового обозначения одного и того же явления в разных языках неодинаков [Дорошевский, 2003: 366]. В русском языковом сознании дождь как метеорологическое явление воспринимается метафорически: дождь *идет*. Во французском языке говорится о неопределенном производителе действия — «дождит». Любопытно, что в обско-угорских языках, когда речь идет о подобных погодных явлениях, производителем действия является стихийный активный неодушевленный субъект: хант. *Ерт ертыт*; манс. *Ракв ракви* (букв. «Дождь дождит»); хант. *Вот вотл*; манс. *Вот воты* (букв. «Ветер ветрит»); хант. *Тоньс тоньсит* (букв. «Снег снежит») [Лыскова, 2003: 71—72].

О том, каким образом отражается в языке действительность, могут свидетельствовать не только сами слова, но и их строение. По мнению В.Дорошевского, благодаря познавательной функции

языка осуществляется понятийная организация и классификация впечатлений. К этому сводятся словообразовательные процессы: в структуре слова одни компоненты связаны с элементами восприятия, другие — с элементами обобщающих понятий [Дорошевский, 2003: 370]. Отмеченные наблюдения позволяют обратить внимание на то, что изучение языковых средств объективации действительности не должно ограничиваться рамками лексики. Обращение к словообразовательному и лексико-грамматическому уровням языка обнаруживает доказательства того, что результаты процесса познавательной деятельности человека находят отражение в различных языковых зонах. Это обусловлено, на наш взгляд, тем, что процесс познания проходит через понятийную сферу, затем происходит понятийная и собственно языковая категоризация.

В.А.Плунгян в своей работе «Почему языки такие разные» [Плунгян, 2001: 221—224] пишет, что лингвисты давно заметили разделение языков на «иметь-языки» и «быть-языки». В первых языках (к ним относится большинство европейских языков, в том числе английский, немецкий, французский, а также большая часть славянских языков) обладание приравнивается к активному действию: русскому *мне холодно* во французском языке соответствует конструкция *j'ai froid* (букв. «я имею холод»). Для самого духа французского языка характерен переход от «мне» к «я», отмечает В.А.Плунгян. Русский же язык принадлежит ко второму типу наряду с многими тюркскими, финно-угорскими и другими языками. В этих языках преобладает идея пассивного обладания — «хранения». Структурообразующие элементы (подобные глаголам *быть* и *иметь*) служат для того, чтобы языковое сознание людей схватывало отношения между элементами действительности [Дорошевский, 2003: 368]. Таким образом, способ соединения слов друг с другом также является свидетельством того, каким образом мир отражается в языке.

Глава 2

ОБЩИЕ КОНЦЕПЦИИ ЛИНГВОРЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

2.1. Междисциплинарный подход.

Приоритет когнитивного направления в постановке и решении проблем лингворегиональных исследований

Специфические особенности лингвистической области знаний определяют свою собственную систему принципов и методов исследований. Декларированный нами междисциплинарный подход предполагает использование в качестве современного метода междисциплинарного уровня когнитивный, в рамках которого «появилась возможность широкого обмена идеями, моделями и другими научными результатами исследователей, работающих разными методами над сходной проблематикой (либо использующих сходные методы в разных предметных контекстах)» [Баксанский, Кучер, 2005: 84]. Этот подход позволяет объединить данные разных наук, включая лингвистику и психологию, в первую очередь, психологию познавательных процессов. Когнитивная психология опирается на положения о том, что человек является существом мыслящим, а часть когнитивных процессов человека протекает алгоритмично [Там же: 86]. В лингвистике познавательная деятельность человека — это процесс познания окружающей действительности и отражение его в языке, который может быть представлен в виде нескольких этапов, образующих цепочку «ощущения — восприятие — анализ и синтез — образ — представление — понятие — суждение, умозаключение». Данная когнитивная «цепочка» отражает длительный процесс, связанный с эволюцией сознания и мышления, а также с возникновением и развитием языка. Когнитивная схема познавательной работы мысли существует как в общей организации человеческого языка, так и в частных системах отдельных категорий. Следовательно, сфера познавательной деятельности и сфера языковой системы формируются на основе их взаимопроникновения. Опираясь на данные о познавательной деятельности человека, в результате которой формируются когнитивная (понятийная) и

языковая картины мира, и на знания психических процессов познания (восприятие, внимание, воображение, память, мышление, речь), можно определить условия формирования инвариантных и специфических языковых проявлений. Как отмечает А.А.Залевская, «все виды психической деятельности функционируют в ансамбле, т.е. такие психические процессы, как мышление, речь, память, восприятие и др., онтологически вообще не существуют как отдельные обособленные акты, они искусственно разграничиваются в целях научного анализа, хотя в жизнедеятельности человека “все состоит из всего”» [Залевская, 1999: 33].

Говоря о различных принципах изучения национально-культурной специфики языков, В.В.Красных предлагает *лингво-когнитивный подход*, позволяющий выделять, анализировать и структурировать два вида компонентов: общелингвистический (позволяющий выявить универсальное в коммуникации) и культурно детерминированный (устанавливающий национально-специфические составляющие). Изучение второго компонента предполагает использование *этнопсихолингвистического подхода* [Красных, 2003: 316—317].

В.И.Карасик, исследуя проблему отражения в языке видения окружающей действительности [Карасик, 2004: 90], выделяет несколько подходов к изучению языка: культурологический, лингвострановедческий, концептологический, функциональный и другие. *Культурологический подход* предполагает выявление языковых единиц, в концентрированном виде выражающих специфический опыт народа, пользующегося языком. Сюда автор относит имена собственные, культурно-исторические реалии, аллюзии, прецедентные тексты, а также слова с эмоционально-оценочным фоном. *Лингвострановедческий подход* предполагает изучение лакун, различного рода коннотаций, понятных только носителям языка. *Концептологический подход* включает этноспецифические, социально-групповые и индивидуальные характеристики языка.

Язык, как известно, составляет ядро когнитивной способности человека, выступая в качестве отражения его познавательной деятельности. Поэтому следует также учесть мнение тех лингвистов, которые настаивают на важности *антропоцентрического подхода* к языку. Здесь уместно процитировать высказывание

Р.М.Фрумкиной: «Если вы хорошенько вдумываетесь в то, сколь многообразны отношения языка и культуры, языка и нашего способа описывать мир, мыслить о мире, то поймете, что наука о языке — важнейшая составляющая науки о человеке как о мыслящем существе». Автор этой цитаты считает, что в области исследований способов отражения культурно зависимых форм «мировидения» значительных успехов достигла А.Вежбицкая, которая сумела реализовать на конкретном языковом материале высказанные когда-то пожелания Э.Бенвениста описывать «человека в языке» [Фрумкина, 2003: 262].

Даже фрагментарный анализ направлений в изучении этнокультурных особенностей языков свидетельствует о том, что предлагаемые подходы должны быть объединены в одно целое, определяющее методы исследования национальной специфики языков. Взяв за основу положения, изложенные в работе В.И.Карасика [Карасик, 2004], мы попытались отобразить подходы и методы измерения этнокультурной специфики языков в следующей таблице.

Таблица 5

Подходы	Метод	Единицы измерения
Культурологический	описание типов языковых единиц, выражающих специфический опыт народа описание уникальных для культуры понятий анализ ключевых слов культуры изучение лексического и грамматического материала с позиций культурологических доминант	имена собственные, реалии культурно значимые слова пословицы, сентенции, афоризмы доминантные категории
Лингвострановедческий	составление развернутых комментариев	лакуны регионализмы топонимы коннотации, понятные только носителям языка

Лингвоког- нитивный	этимологический анализ когнитивное моделирование (ключевые компоненты, об- разные компоненты, поня- тийные категории)	внутренняя форма слова фразеологизмы, пословицы метафоры, метонимия слова с эмоционально- образным фоном сложные слова специальная лексика
Типологи- ческий	сравнительно- типологическое описание	взаимные заимствования, обусловленные взаимодейст- вием цивилизаций
Психо- лингвисти- ческий	психолингвистический экс- перимент (анкетирование, интервью)	типичные ассоциации «ментальные» карты

Применительно к региональным исследованиям наиболее существенными единицами измерения этнокультурной специфики языка могут служить: регионализмы, реалии, имена собственные, лакуны, фразеологизмы, пословицы, внутренняя форма слова, коннотации, межъязыковые заимствования, слова с эмоционально-образным фоном, топонимы, типичные ассоциации, «ментальные карты» (в таблице они выделены жирным шрифтом). Отсюда и выбор методов измерения этнокультурной специфики языка: выявление ключевых слов/компонентов, выявление доминантных категорий, описание типов языковых единиц, выражающих специфический опыт народа, этимологический анализ языковых единиц, интерпретационный метод, выявление образной основы языковых единиц, сравнительно-типологический метод, психолингвистический эксперимент.

Итак, общая концепция лингворегиональных исследований основывается, прежде всего, на междисциплинарном подходе, предполагающем синтез исторического, культурологического, лингвострановедческого, когнитивного, сравнительно-типологического, психолингвистического аспектов.

В постановке и решении проблем лингворегионалистики приоритетным направлением является, на наш взгляд, когнитивное. В сферу когниции входят три основных фактора языковых различий — природа, культура, познание [Манакин, 2004: 49—59]. Когнитивный процесс, или когнитивная (познавательная)

деятельность, — процесс поэтапный, связанный с эволюцией сознания и мышления, с возникновением и развитием языка [Рянская, 2002]. Природные и культурные явления находят отражение в языке в результате познавательной деятельности человека. Когда мы рассматриваем специфические особенности того или иного языка, мы вторгаемся в область понятий.

Обратим внимание на один из важнейших принципов, изложенных в теории психосистематики Г.Гийома: употребления выводятся из категориального значения, а не наоборот [Гийом, 1992]. Это теоретическое положение переключается с известным подходом «от содержания к выражающим его формам» (ономазиологический аспект), который противопоставляется подходу «от формы к содержанию» (семасиологический аспект). Под «содержанием» может пониматься смысл, передаваемый языковой формой [Ажеж, 2003: 200], или значение [Кибрик, 2002: 129]. По мнению А.Е.Кибрика, языки сопоставимы (единообразно устроены) в наибольшей степени на семантическом уровне, а не на формальном [Там же]. Мы подразумеваем под содержанием понятийный уровень: понятия являются в большей степени универсальными, чем языковые формы их выражения. Кроме того, «...мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [Бенвенист, 1974: 106].

2.2. Понятие картины мира. Соотношение понятий «картина мира», «языковая картина мира», «когнитивная картина мира», «научная картина мира», «наивная картина мира», «национальная языковая картина мира». Картина мира и образ мира. Компоненты языковой картины мира.

Проблема картины мира в отечественной лингвистике достаточно хорошо описана (см., например: Колшанский, 1990; Залевская, 1992; Маковский, 1992; Яковлева, 1994; Вежицкая, 1996; Булыгина, Шмелев, 1997; Арутюнова, 1998; Урысон, 1998; Рахилина, 2000; Новикова, 2000; Чернейко, 2001; Попова, Стернин,

2002; Шмелев, 2002; Корнилов, 2003; Карасик, 2004; Рылов, 2006 и др.), поэтому мы ограничимся кратким перечислением трактовок данного термина, который, впрочем, следует употреблять во множественном числе, поскольку речь идет о разнообразии картин мира.

Прежде всего, данный термин часто используется как общий, без конкретизации, о какой картине мира идет речь, и может обозначать совокупность знаний или образ мира, например:

«употребленная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (групповом, индивидуальном) сознании» [Попова, Стернин, 2002: 5];

«образ мира как энциклопедические знания о мире» [Залевская, 1992: 15];

«целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2004: 88];

«образ мира, лежащий в основе мировоззрения человека как результат духовной и познавательной деятельности» [Манакин, 2004: 43].

Совершенно очевидно, что данные определения требуют дальнейших уточнений, поскольку в соответствующем контексте использования термин дифференцируется как: языковая картина мира, национальная (этническая) картина мира, научная картина мира, концептуальная картина мира, когнитивная картина мира, наивная картина мира, художественная картина мира, авторская картина мира и даже профессиональная картина мира. И этот список далеко не полный, поскольку исследователи используют комбинации перечисленных терминов.

Под **языковой картиной мира** в целом понимается отражение реального мира в языке:

«совокупность представлений народа о действительности, зафиксированных в единицах языка на определенном этапе развития народа» [Попова, Стернин, 2002: 6];

«результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества» [Корнилов, 2003: 112].

Однако следует согласиться с О.А.Корниловым, что нет просто языковой картины мира: «это не инвариант наивного осмысления мира неким коллективным обыденным надъязыковым сознанием

человечества, который затем воплощается с небольшими нюансами во всех национальных языках, т.е. во всех национальных языковых картинах мира, каждая НЯКМ фиксирует уникальное мировосприятие именно данного языкового сообщества» [Корнилов, 2003: 113]. С учетом этого определим в качестве дальнейшей задачи выявление компонентов **национальной языковой картины мира**.

Ранее мы установили единицы измерения этнокультурной специфики языка применительно к региональным исследованиям. Очевидно, что они могут быть рассмотрены и как компоненты национальной языковой картины мира.

Принимая в целом трактовку языковой картины мира, изложенную в работе О.А.Корнилова, позволим, тем не менее, отметить в позиции автора некоторое противоречие. С одной стороны, ученый включает в языковую картину мира лексико-фразеологическую систему мира, т.е. фактически отождествляет языковую картину мира с частью языковой системы, с другой стороны, подчеркивает, что функции языковой картины мира не могут совпадать с функциями языка, поскольку функция языковой картины мира — «фиксировать в национальном языковом сознании национальный способ видения мира и передавать его от поколения к поколению» [Корнилов, 2003: 106—107]. Если говорить о национальном способе видения мира, то он действительно имеет отношение не только к лексике. Национальная специфика или универсальные тенденции пространственно-временного восприятия отражены в ряде лексико-грамматических категорий, в частности, в способах глагольного действия. Проиллюстрируем это положение на примере моментальности действия. В ряде языков, например, в русском, для выражения этого аспектуального оттенка существуют глаголы, которые по своему происхождению и значению ограничены признаком целостности («действие в один прием») и минимальной временной продолжительности: *упасть*, *очнуться*, *укусить*, *уколоть*. Во французском языке большая часть глаголов способна к потенциальной совместимости разных аспектуальных значений и поэтому глаголы, подобные *tomber* (падать, упасть), *se reveiller* (просыпаться, проснуться), *entrer* (входить, войти), *sortir* (выходить, выйти) могут считаться моментальными лишь условно. Проявление того

или иного аспектуального оттенка во французском языке зависит от временной формы и от контекста [Рянская, 2002]. Если обратиться к ненецкому языку, то глагольная форма «я вышел» буквально означает «дверь за мной осталась», т.е. необходимость в пояснительном контексте, как и в русском языке, отпадает. Таким образом, репрезентация такого временного членения действительности, как моментальность, может быть заключена в словообразовательной семантике, либо эту роль могут выполнять грамматические формы.

В науке принято также говорить о «**наивной**» картине мира. Представляется, что наивная и научная картины мира — это своего рода два полюса познавательной деятельности человека. Наивная картина мира формируется в результате первичного восприятия мира, является более гибкой, построена на практическом знании, лучше приспособлена для обыденной жизни человека, в то же время «диалектична и допускает противоречивые определения вещей» [Карасик, 2004: 89]. **Научная картина мира** формируется в результате углубления наблюдений и переживаний человека, научного осмысления мира и себя в мире, построения моделей и теорий [Там же], она эволюционирует по мере развития человеческого общества и научного знания [Корнилов, 2003: 7—8]. Тот факт, что в языке находит отражение прежде всего наивная картина мира, является общепризнанным [Кобозева, 1995: 102].

В современной методике исследований отмечают две тенденции: реконструкция наивной модели мира и интерпретация значений языковых единиц с опорой на научные понятия [Яковлева, 1994: 73]. Обратимся снова к пространственно-временному восприятию действительности. В ряде языков кроме традиционного трехфазового представления любого процесса получила отражение «предначинательность», или проспекция [Рянская, 2002]. Размытость временного отрезка, соответствующего проспекции, обусловлена субъективным восприятием окружающего мира. Ученый-философ М.Хайдеггер [Хайдеггер, 1993: 399] обратил внимание на понятие «близость» (Naheit), ставшее одним из ключевых в его теории. Философское научное представление о «близости», которая приближает наступающее время, сопоставимо с ненаучным. Мы встречаем в языках выражение этого «приближения»

с помощью образов движения, пространственных ориентиров и т.д. Первичное восприятие проспективного действия отражается в языках через топологическую лексику или при помощи глаголов движения: фр. *Il est sur le point de* («в точке») *partir*; *Il est près de* («рядом») *pleurer*; англ. *I'm about* («недалеко») *to go*; исп. *Estar a punto de* («в точке») *venire*; рус. *Он вот-вот* («сейчас») *приедет*. Таким образом, рассматриваемые временные образы формируются в результате перцептивно-телесного и психомоторного опыта. Добавим, что специфика национальных картин мира проявляется в оценке не только временного расстояния, но и в соотношении к временному плану. Так, понятие «близкий» в русском языке употребляется только по отношению к будущему [Шмелев, 2002: 43—44], во французском же языке *immédiat* («ближайший») сочетается с идеей как будущего, так и прошедшего.

Научная картина мира может рассматриваться и как часть национальной картины мира, фиксируя научные знания об окружающей действительности, например, в терминосистеме того или иного языка [Корнилов, 2003: 112].

Мы говорили выше о подходе «от содержания к форме». Этот путь изучения языковых явлений принципиально важен для когнитивного аспекта исследований. В отличие от языковой картины мира, более стабильной и устойчивой, **когнитивная картина мира** подвержена изменениям, обусловленным познавательной и социальной деятельностью человека. Когнитивная (иногда используется термин **концептуальная**) картина мира отражает суть репрезентации действительности: через формирование понятий как универсальных (таких как время, пространство, причина, следствие и т.д.), так и специфических, социокультурных. Различие между языковой картиной мира и когнитивной картиной мира состоит в том, что в первом случае речь идет о фиксации знаний о мире в языке, во втором — о концептуальной репрезентации действительности в многообразии ее внешних и внутренних связей, существующей в виде определенной системы понятий [Шафиков, 1998: 10]. Переход из одной концептуальной системы в другую есть, по мнению Г.В.Колшанского, «перемещение знаний от одного индивидуума (народа) к другому», а взаимопонимание осуществляется благодаря «единой логико-мыслительной базе, на которой

могут строиться различные концептуальные картины» [Колшанский, 1990: 51].

2.3. Биосоциальные основы различия языков.

Проблемы языка и мышления, языка и знания.

Дуальная организация работы мозга и ее связь с языком.

Когнитивный подход приводит к пониманию языкового знака не только как части коммуникативной системы, но и как отражения познания мира: его составляющие указывают на языковую форму репрезентации опыта, на представляемый субъект или объект реальной действительности и на то, какое значение в него вкладывается [Кубрякова, 2001: 34].

Каждый язык отражает мир по-своему — через концептуальное членение действительности, хотя, конечно, совпадения не исключены. Недостаточно глубокое изучение миноритарных языков может привести к ошибочным выводам. Некоторые лингвисты пытаются доказать, что в подобных языках нет абстрактных слов с родовыми понятиями, и, следовательно, автохтонные народы лишены способности к обобщениям. Анализ языкового материала угорских народов указывает на то, что в этих языках преобладает конкретизация и детализация восприятия мира. Однако этот факт совсем не исключает существования в подобных языках слов с обобщенным значением. Так, в хантыйском языке (ваховский диалект) есть специальный термин для обозначения орудия, при помощи которого производится какое-либо действие, какая-либо работа. То есть наряду с детализацией названий объектов и предметов природохозяйственной деятельности можно наблюдать и использование слов с обобщенным значением.

Французский лингвист М.Ягелло пишет, что в мальгашском языке довольно часто можно встретить одно обозначение для всякой еды, приготовленной из риса, или для любых типов укрытия, сосуда, жилища и т.д., в то время как в современных европейских языках в этих случаях может быть использован пояснительный комментарий. Объединяя все эти предметы под общим именем, мальгаш просто выражает в одном понятии то, что у них общего, пренебрегая несущественными различиями. «Вот почему нельзя

ни точно скопировать в языке действительность, ни точно скопировать в нем другой какой-нибудь язык», — заключает автор [Ягелло, 2003: 83].

Чем большее пространственное распространение получает язык, выходя за пределы одного народа, тем существеннее необходимость в упрощении языковых средств, которые обеспечили бы коммуникативную функцию. Таким образом, вступает в силу принцип экономии. Тенденция к более экономному использованию языковых средств наглядно прослеживается в языках аналитического строя. По мнению Б.А.Серебренникова, существует «лингвокреативное мышление», которое, «с одной стороны, отражает окружающую человека действительность, с другой — самым тесным образом связано с наличными ресурсами языка» [Серебренников, 1988: 136]. Действительно, богатство приставок в русском языке позволяет детализировать, например, характер протекания действия, уменьшительные суффиксы позволяют образовывать слова с коннотативным оттенком, расширяя возможности репрезентации эмоционально-образного восприятия мира.

Внести определенную ясность в особенности отражения в языках общего и частного, абстрактного и конкретного позволяет анализ *биосоциальной сущности языка*.

Эволюция познания тесно связана с эволюцией мышления. Установлено, что архаическое мышление было преимущественно образным, а дальнейший постепенный переход к знаково-символическому мышлению — процесс длительный, получивший отражение в религиозных, философских, научных знаниях, и, прежде всего, в языке [Меркулов, 2000б: 181]. Открытия в нейрофизиологии позволили конкретизировать механизмы когнитивной эволюции, установить их связь со «сменой доминирующих способов обработки информации» [Меркулов, 2000а: 76]. Исследуя когнитивные типы мышления, автор подчеркивает, что пространственно-образное и знаково-символическое (или логико-вербальное) типы мышления различаются по способам извлечения и переработки информации [Там же: 79]. Таким образом, дифференциация функций человеческого мозга проявилась в способности к двум типам когнитивного мышления. Существенным моментом является относительное преобладание одного из них — как на индивидуальном уровне, так и на уровне популяций, что нашло

подтверждение в результатах психофизиологических и этнопсихологических исследований [Там же: 81—82]. Ученый отмечает, что доминирующий когнитивный тип мышления не может существовать вне конкретной культуры и вне взаимодействия с окружающей средой [Там же: 71—82]. Эти выводы подтверждаются языковыми данными в работах Б.А.Серебрянникова и пересекаются с гипотезой трех ареалов, выдвинутой в начале XX века французским лингвистом Г.Гийомом.

В исследованиях Б.А.Серебрянникова отмечено, что в ряде языков коренных народов, в том числе и Севера России, выражены более частные характеристики протекания действия во времени. Так, например, многократное действие приобретает более детальную характеристику в якутском и эскимосском языках: ускоренность или замедленность. Различные формальные элементы эвенкийского глагола могут передавать до шестнадцати аспектуальных оттенков [Серебрянников, 1988: 20—21]. Можно предположить, что более древние языки, а также языки, сохраняющиеся в более узком пространстве, были призваны обеспечить многослойную среду, близкую к природе, к конкретной деятельности. То есть дробность понятий по отношению к характеру протекания действия обусловлена, с одной стороны, практической жизнью народов, детализацией их жизненного ритма. С другой стороны, можно говорить о проявлении определенного типа когнитивного мышления — пространственно-образного. Относительное доминирование этого типа мышления определяет способы извлечения и переработки информации — в виде подробных характеристик осуществления действий. Здесь уместным представляется пример того, как во многих языках выражается понятие «посмотреть». В русском языке — *бросить взгляд*, во французском языке сходный образ — *jeter un regard*, в хантыйском — *взгляд послал* (ср. также *взгляд его ушел*) [Канакин, 1996: 120]. Подобные пространственные образы и подробное описание действия или процесса свойственны, прежде всего, языкам коренных народов, чьи традиции и уклад жизни подчинены практической деятельности, в которой важными являются именно детали и подробности.

Социальное восприятие, отмечает Т.Г.Стефаненко [Стефаненко, 2003: 87—88], включает в себя не только восприятие объектов,

но и элементы мышления, отсюда сходство представлений, составляющих ментальность первобытного и современного человека, а их различия носят количественный характер. Продолжая эту мысль, заметим, что в том сообществе, где мир человека составляет единое целое с миром природы, доля детализированных представлений об объектах действительности намного выше.

В условиях контактирующих культур отмечается зависимость от достигнутого этносом уровня общественного развития в целом. Для одних культур характерно тяготение к современному технологическому мышлению, в таком случае речь идет о традициях европейского рационального мышления, для других — преобладание визуально-образного мышления, для европейской шкалы оценок — иррационального [Спиридонова, 1999: 11].

В связи с этим уместно вспомнить о гипотезе «шкалы прогрессов», отражающей оценку темпов и качества развития языков, высказанной французским ученым Г.Гийомом. Она была раскритикована советскими лингвистами, хотя автор никогда не высказывал идей о преимуществах одной языковой структуры над другой [Скрелина, 1992: 168—210]. Между тем мысль о различиях языков как отражении разных ступеней их развития или, скорее, неравномерности, представляется возможной в связи с отмеченными выше положениями об относительном преобладании одного из типов когнитивного мышления. В одних языках («первого ареала» по Г.Гийому) языковая единица может содержать в слове информацию, эквивалентную целому предложению. Отсюда — наполненность слова дополнительными морфологическими элементами. Другие языки используют одно слово для выражения нескольких категорий или целой понятийной ситуации.

Не претендуя на полное и всестороннее рассмотрение механизмов функциональной межполушарной асимметрии, попытаемся на основании сведений, почерпнутых из ряда известных работ [Лурия, 2003: 425—432; Леонтьев, 2003: 274—276; Леутин, Николаева, 2005; Меркулов, 2000а: 70—83; Меркулов, 2000б: 162—220; Иванов, 2004: 57—59; 89; 124—126], объединить наиболее существенные данные, касающиеся дуальной организации работы мозга и ее связи с языком. Представленная информация сводится к общей характеристике когнитивных типов мышления (логико-вербального и пространственно-образного), перечислению

основных способов извлечения, структурирования и переработки информации левым и правым полушариями головного мозга и их главных функций.

Таблица 6

Левое полушарие	Правое полушарие
<i>когнитивный тип мышления</i>	
<p><i>Логико-вербальное:</i> — обрабатывает информацию, представленную только в <i>словесно-знаковой форме</i> — «сетевое» представление и использование информации</p> <p>Основа <i>формально-логического</i> мышления</p>	<p><i>Пространственно-образное:</i> — оперирует исключительно <i>образами</i> и обеспечивает ориентацию в пространстве, трехмерное видение — <i>событийно-ситуативное</i> представление информации</p> <p>Базис <i>ассоциативно-эмпирического, метафорического</i> мышления</p>
<i>способы извлечения, структурирования и переработки информации</i>	
<p><i>Аналитическая стратегия:</i> — выявление <i>существенных признаков</i> и отношений, восприятие и переработка <i>локальных</i> (маркированных, обособленных) факторов — выявление жестких <i>причинно-следственных</i> связей — создание <i>однозначно</i> понимаемого контекста</p> <p>— <i>последовательная</i> переработка когнитивной информации (вербальной, невербальной) по мере ее поступления — выполнение тестов, требующих аналитического подхода</p> <p>— <i>схематическое</i> изображение предмета, отражающее его основные функциональные признаки — <i>абстрактный</i> способ обработки информации</p>	<p><i>Холистическая стратегия и целостное восприятие:</i> — обработка <i>многих параметров</i> информации</p> <p>— создание <i>многозначного</i> контекста с множественными «размытыми связями» — <i>одновременное</i> выявление контекстуальных связей между смыслами образов и между целостными образами — выполнение лишь элементарных аналитических задач</p> <p>— индивидуализированное восприятие объекта</p> <p>— <i>конкретный</i> способ обработки информации</p>

<i>методы описания окружающего мира</i>	
<i>индукции</i> (анализ — синтез)	<i>дедукции</i> (синтез — анализ)
<i>функции</i>	
<p><i>Речевая функция:</i> — имеет черты <i>поверхностных</i> структур, окончательно оформленные; речевое общение — осуществляется обработка речи на первых этапах</p>	<p>— имеет черты <i>глубинных</i> структур, соотносимые с онтогенезом (наиболее ранние этапы речепорождения); понимание элементарной речи, способность к ограниченной речепродукции — продуцирование связной речи</p>
<p><i>Порождение высказывания:</i> — любой сложности — словообразование, словоизменение, актуализация валентностей слов, формирование <i>сложных</i> грамматических конструкций, синтаксическое структурирование</p>	<p>наполнение высказываний <i>конкретным</i> предметным содержанием — именная лексика, отражение индивидуально-личного опыта, чувственные впечатления; понимание <i>простых</i> грамматических конструкций — обработка <i>эмоциональных</i> высказываний</p>
<p><i>Другие языковые функции:</i> — способность к чтению и письму, выполнению арифметических действий — опознание фонетических слов и их зрительного буквенного соответствия, классификация слов</p>	<p>— опознание рукописных слов, слов на языке глухонемых, опознание иероглифов — идентификация слов на основе их перцептивных, а не фонемных признаков, предпочтительное опознание конкретных слов</p>
<p><i>При обработке лексического материала:</i> — опора на собственно языковые связи</p>	<p>— ориентация не на собственно лингвистические характеристики, а на стоящие за словами денотаты, образы, не на системные отношения в языке, а на референт</p>

<i>Другие</i> — обеспечение процессов <i>персонализации</i> и <i>аутоидентификации</i>	— обеспечение представительства мира в себе, осознание себя как части коллектива
язык левого полушария	язык правого полушария
— <i>развитая</i> и <i>сложная</i> синтаксическая структура — способность к <i>обобщениям</i> , <i>абстракциям</i> , построению суждений; наличие для этого избытка формальных грамматических средств — усиление противопоставления глагола и существительного, на основе которого формируется научная терминология — только к левому полушарию относятся <i>логические определения</i>	— <i>конкретность</i> и <i>образность</i> языка: лексика предметна, «вещна», отражает непосредственные чувственные впечатления — структура языка <i>элементарна</i> , почти асинтаксична — алогичен, служит основой догадок и интуиции — для описания и понимания внешнего мира приспособлены языковые средства, по преимуществу связанные с конкретными глаголами, обозначающими действия, состояния и наличие определенных признаков — только к правому полушарию относятся <i>конкретные термины</i>
левополушарная модель	правополушарная модель
— трансляция <i>теоретических</i> конструкций — вычленение <i>бинарных</i> оппозиций	— <i>гештальтное</i> описание окружающего мира — <i>матричная</i> форма (таблицы химических элементов Д.И.Менделеева)
приспособление к новым условиям	
— обеспечивает <i>социальную</i> адаптацию — <i>краткосрочная</i> активация — формирует <i>стереотипность</i> , легко прогнозируемую деятельность	— обеспечивает <i>биологическую</i> адаптацию — более <i>продолжительная</i> активация — выявление новых признаков в среде, оценка неопределенности среды и прогноз <i>маловероятных</i> событий, формирует <i>новые стратегии выживания</i>

По мнению ученых, различия между функциями полушарий головного мозга и, следовательно, между типами когнитивного мышления касаются не столько форм представления знаний, сколько способов извлечения и переработки информации [Меркулов, 2000а: 79]. Когнитивная эволюция предполагает смену доминирующих когнитивных типов мышления, в частности, в малочисленных языковых группах происходит (хотя и медленно) постепенный переход к функциям левополушарного типа языка, который является главным языком общества [Меркулов, 2000а: 83; Иванов, 2004: 89].

В работе Вяч.Вс.Иванова [2004] представлены данные исследований о взаимодействии полушарий с другими частями головного мозга, позволяющие судить о мыслительных операциях, связанных с определенными языковыми проявлениями. Дополнив эти сведения информацией из других источников, предлагаем следующую схему.

Схема 1

Левое полушарие		Правое полушарие	
<i>Левая лобная доля</i> — локализация речевого центра, включена в регуляцию интеллектуальной деятельности	<i>Лобные доли</i>	<i>Правая лобная доля</i> включена в регуляцию эмоционального реагирования	
<i>функции:</i> — синтагматическо-семантические связи — разрешение омонимии — поэтические ассоциации			
<i>левое полушарие</i>	+	<i>правая лобная доля</i>	
— осознается грамматическая схема — используются эгоцентрические слова (шифтеры по Якобсону) — используется глагол существования (связка) — вводится квантификатор (числительное) — осуществляются операции по связи слов внутри семантического поля			

	<i>левая височная доля</i>	+	<i>правая височная доля</i>	
<i>функции:</i> — комбинаторная семантика — приблизительная синонимия — конструкции неграмматического характера				
	<i>левое полушарие</i>	+	<i>правая височная доля</i>	
— осознаются пространственные уточнители — осознаются глаголы с предложным управлением — осознаются градуальные семантические оппозиции — осуществляются словарные трансформации				
	<i>левая височная доля</i>	+	<i>правое полушарие</i>	
— отмечаются клише, существительные без эпитета — проводятся отрицательные трансформации — называются семантические различительные признаки				
	<i>левое полушарие</i>			
— актуализация валентностей слов — словоизменение, словообразование — возможности синтаксического структурирования высказывания — формирование сложных грамматических категорий				

В работе В.П.Леутина и Е.И.Николаевой, посвященной функциональной асимметрии мозга, отмечается, что первое предположение о различиях полушарного доминирования у представителей разных культур сделал Р.Орнштейн в 1972 г. [Леутин, 2005: 137]. Данные того времени позволили сделать вывод о том, что у представителей западной цивилизации более активным является левое полушарие, у представителей восточной цивилизации доминирует правое. Сами авторы склонны считать, что асимметрия функций правого и левого полушарий состоит в том, что эти функции не рядоположены, а соотносятся как часть и целое [Леутин, Николаева, 2005: 57], т.е. речь идет о совместной деятельности

полушарий, использующих свои собственные стратегии. «Тот факт, — пишут авторы, — что специализация полушарий отмечена у далеко отстоящих друг от друга на эволюционной лестнице видов, имеющих разную филогенетическую историю, говорит о том, что она может быть продуктом параллельной эволюции» [Там же: 118].

Большой интерес имеют представленные в работе результаты многочисленных исследований, в том числе экспериментальных, указывающие на то, что выживание в экстремальных условиях, в суровом климате требует определенной обработки информации и, следовательно, особых взаимоотношений между полушариями головного мозга. Выяснилось, что сложные условия среды обитания могут потребовать активации правого полушария с его особой фиксацией на деталях, способностью формировать новые стратегии выживания. «С этой точки зрения доминирование полушарий — не свойственный всему человечеству единый признак, а зависящий от конкретных условий формирования индивидуума параметр» [Леутин, Николаева, 2005: 294]. Следовательно, обращаясь к изучению особенностей языков коренных жителей Югры, мы должны учитывать, что их этническая картина мира обусловлена правополушарной доминантой.

Обобщение данных о функциональной асимметрии мозга позволяет выделить следующие правополушарные признаки, которые проявляются в языке и речи: образность, эмоциональность, конкретность и целостность представления информации, индивидуализированное восприятие объекта, пространственная память, ассоциативно-эмпирическое мышление, многозначный контекст, гештальтное описание мира, матричная форма моделирования. Можно ожидать проявление этих признаков в языковой картине мира северных народов. Для популяций, чьи языки сформировались в более благоприятной среде обитания и в условиях техногенной цивилизации, возможно преобладание левополушарных функций. В языке это выражается единицами, содержащими более обобщенные, абстрактные понятия, отражающие основные функциональные признаки объектов действительности, бинарной формой моделирования и т.д. Сопоставительные исследования в этом русле представляются весьма

перспективными, поскольку они позволят лучше понять проявление специфического и универсального в объективации окружающего мира.

Рассмотренный аспект должен приниматься во внимание при исследованиях, направленных на изучение этнодифференциальных признаков, в том числе языковых.

Глава 3

ПРИНЦИПЫ КОГНИТИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ В ЛИНГВОРЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

3.1. Понимание когниции как совокупности видов познавательной деятельности (восприятие, образы, представление, смыслообразование, словотворчество). Проблема выявления особенностей объективации понятий, сформированных в результате процесса познания. Когнитивная деятельность. Концептуализация и категоризация как части познавательной деятельности человека. Проблема обозначения: концепт, понятие, значение. Прототип. Универсальное и специфическое

Вопрос о том, как в сознании человека возникает система знаний, является одним из главных вопросов когнитивной лингвистики. Когнитивная деятельность человека, представляющая процесс познания окружающей действительности, состоит из нескольких этапов. Первой стадией познания являются ощущения, т.е. чувственные впечатления, являющиеся предпосылками возникновения инвариантного образа предмета или явления. То, что воспринимается человеком, подлежит осмыслению, составляя следующую ступень познания — анализ и синтез, в результате которых происходит выявление обобщенного образа. В цепочке, идущей от восприятия к выражению мысли, возникший образ закрепляется в сознании в виде «образа образа» (термин А.А.Потебни), или представления, которое сохраняется и воспроизводится без непосредственного контакта с действительностью [Степанов, 1975: 11]. Постепенное накопление ощущений, из поколения в поколение, создает предпосылку образования представлений, каждое из которых, по образному выражению П.Д.Успенского, получает имя и становится понятием [Успенский, 2000: 403]. Как известно, результатом познавательной деятельности является концептуализация, т.е. создание системы понятий, что находит отражение в универсальных понятийных категориях, а затем

в когнитивной модели. Создание понятийных категорий происходит вслед за формированием понятий.

Термин «понятие» требует уточнения и разграничения в сравнении с терминами «смысл» и «значение». По данным Лингвистического энциклопедического словаря «понятие» может иметь несколько определений. Когнитивному подходу соответствует следующее: «Мысль, отражающая в обобщенной форме предметы и явления действительности посредством фиксации их свойств и отношений; последние (свойства и отношения) выступают в понятии как общие и специфические признаки, соотношенные с классами предметов и явлений» [ЛЭС, 1990, 383—384]. В отличие от значения или смысла слова понятие трактуется большинством лингвистов как более широкое по своему содержанию. Г.В.Колшанский определил понятие как обозначение «сферы, в которой функционируют значение и смысл языковых единиц». «В плане познания, — писал автор, — идеальный образ предмета, явления един, и в этом плане этот идеальный образ обозначается как понятие, причем в отличие от других форм животного отображения мира (чувственных образов, представлений) понятие как форма человеческого мышления определяется как обобщенное, абстрактное освоение мира» [Колшанский, 1990: 44]. А.А.Потебня, определивший понятие как «образ образа», уточняет, что это — «совокупность суждений, на которые разложился чувственный образ», или «аналитическое познание образа» [Потебня, 1999: 140]. В лингвистической литературе принято также разграничивать термины «понятие» и «концепт». Представляется целесообразным принять ту точку зрения, согласно которой понятия представляют собой единицы человеческой ментальности как результат процесса структуризации сознания, а в этом смысле оба термина применимы [Демьянков, 2001: 44].

Итак, с когнитивной точки зрения понятие характеризуется следующими свойствами: понятие является одним из звеньев познания; понятие возникает из представлений, основанных на восприятии, которое, в свою очередь, является результатом познавательной деятельности человека; понятие представляет собой идеальный образ предмета или явления объективного мира, отражающий их общие свойства; понятие является более широким по своему содержанию, чем значение и смысл.

Перечисленные свойства, присущие понятию, способствуют коммуникации, т.е. общению между людьми, но при этом понятия могут иметь индивидуальные расхождения [Серебренников, 1988: 140]. Так, например, понятие временного отрезка возникло из восприятия момента совершения действия, то есть на основе вполне конкретных образов. Представления о степени длительности момента, или отрезка времени, могут быть различными. Здесь большую роль играют представления о временных границах. Общность или особенность мировосприятия отражается и в самой номинации. Так, русскому слову *смотреть* в хантыйском будет соответствовать понятие *глаза держать* [Канакин, 1996: 102].

При всем разнообразии понятий как знаний общих свойств явлений и предметов объективной действительности неоспоримым признается существование понятийных категорий, имеющих универсальный характер.

Категория создается в тесной связи с формированием понятий или группы понятий в процессе выделения общих признаков объединяемых единиц [КСГТ, 1996: 46]. Категоризация в когнитивной науке рассматривается как познавательная деятельность человека, следовательно, вслед за формированием понятий происходит создание категории. Понятийная категория представляет собой «смысловые компоненты общего характера, свойственные не отдельным словам и системам их форм, а обширным классам слов, выражаемым в естественном языке разнообразными средствами» [ЛЭС, 1990: 385]. Будучи универсальными, т.е. присущими большинству языков, понятийные категории выступают как «основа сводимости описаний разнообразных и разносистемных языков» [ЛЭС, 1990: 385].

Опыт описания разносистемных и разноструктурных языков на основе понятийных категорий представлен в работах О.Есперсена, И.И.Мещанинова, Ф.Брюно и затем получил развитие в трудах других ученых 30—40 гг. XX столетия. В этом направлении построены также исследования Б.А.Серебренникова, Е.С.Кубряковой и других отечественных и зарубежных ученых [Степанов, 1981: 132]. Примером первого шага в этом направлении, как отмечает Ю.С.Степанов, являются универсальные категории Аристотеля: «...близкие к аристотелевскому пути доказали, что этот путь не только возможный, но единственный, когда ставится

задача выявления универсальных категорий языка и мышления» [Там же].

Ведущим понятием в категории, согласно когнитивному подходу, является понятие прототипа. Прототип как наиболее репрезентативная единица почти не отличается от термина «инвариант». Инвариантное значение является «лишь мотивирующей базой разнообразных конкретных “значений” (семантических представлений), являющихся результатом коммуникативно-семантико-прагматического вывода» [Шатуновский, 1996: 333]. Прибегая к термину «инвариант», подразумеваем, что содержание понятия должно представлять наиболее общие и существенные признаки отражаемого явления действительности.

Понятийные категории соотносятся с конкретными языковыми категориями, поэтому следующим за когнитивной моделью является этап репрезентации знаний в языке. Вслед за концептуализацией происходит создание языковых (семантических и грамматических) категорий.

Схематически когнитивный процесс может быть представлен следующим образом.

Схема 2

Следует учесть, что если подходить к познавательной деятельности человека как к историческому явлению, то можно рассматривать данную когнитивную «цепочку» как поэтапный, очень

длительный процесс, связанный с эволюцией сознания и мышления, а также с возникновением и развитием языка.

Еще И.И.Мещанинов писал о том, что понятийные категории одновременно являются и категориями сознания, и категориями языка («поскольку выявляются именно в языке»), если же они в языке не выражены, то остаются в области сознания [Мещанинов, 1978: 240]. Важным представляется и тот факт, что различие между понятийными категориями и языковыми заключается в том, что первые являются в большей степени универсальными, вторые — категориями конкретного языка: «...мышление может свободно уточнять свои категории, вводить новые, тогда как категории языка, будучи принадлежностью системы, которую получает готовой и сохраняет каждый носитель языка, не могут быть изменены по произволу говорящего» [Бенвенист, 1974: 106].

Особенности процесса познания являются одним из факторов языковых различий. Познание — часть когниции, результат особого восприятия, видения предмета или явления действительности. С когнитивной точки зрения познание характеризуется разной степенью концептуализации языком окружающего мира. Специфика познания ведет к появлению таких языковых явлений, как реалии, локализмы, лакуны, сужение/расширение гипонимии и гиперонимии или объема значения слова. Так, исследователи отмечают нехватку гиперонимов в ряде миноритарных языков. Например, в мансийском языке нет специальных слов для выражения понятий *птица*, *зверь*, *насекомое*. Есть одно слово — *уи*, обозначающее ‘нечто живое’, ‘живность’: *сали-уи* — волк; *мань-уи* — мошकारа. Соотношение гиперонимии и гипонимии, абстрактных и конкретных наименований отражает глубинные процессы познания мира человеком, с углублением опыта освоения и осознания действительности происходит укрупнение видовых представлений, подведение под более рациональные категории [Манакин, 2004: 60—61]. Таким образом, происходит расширение границ познания за счет новых предметов и явлений, попадающих в его сферу.

Почему отраженные в языке предметы и явления не совпадают в точности с существующими в реальной действительности? Е.В.Рахилина указывает на три причины. Первая состоит в антропоцентричности языка, т.е. язык «воспринимает» мир с точки

зрения человека: языковое сознание в качестве точек отсчета часто фиксирует в языке «человеческие параметры» [Рахилина, 2000: 338—339]. Примерами могут служить выражения: рус. *рукой подать, взгляд упал, бросить взгляд*; фр. *jeter un regard* — бросить взгляд. К.Ажеж указывает на образования в ряде языков от названий частей человеческого тела: *перед* («лицо»), *внутри* («живот»), *позади* («спина»). Мы обнаружили подобный пример в хантыйском языке (ваховский диалект): *чõнч* — спина и *чõннә* — позади. Второй причиной, как считает автор, является функциональность объектов: языковые образы явно уступают физическим. На наш взгляд, языковая образность представляет собой прекрасный источник изучения национальной специфики мировидения. Носитель языка либо использует уже существующие конструкции (метонимия, метафора), либо порождает их [Там же: 339]. Воспользуемся вновь примерами из хантыйского языка. В ваховском диалекте имеется слово *аләң* — начало, для обозначения понятия «конец» служит сочетание *ним аләң*, т.е. «нижнее начало». *Ноздря* буквально переводится как «носа отверстие» [Терешкин, Сподина, 1997].

Кроме того, по мнению К.Ажежа, в языках последовательно запечатлеваются разные этапы познавательной деятельности, вследствие чего системы репрезентации, возникшие в разные эпохи, отличаются друг от друга [Ажеж, 2003: 137]. В языке в первую очередь именуют предметы, связанные с повседневными нуждами, и в разных обществах они могут быть различными. Таким образом, как справедливо заключает автор, язык, несмотря на то, что в нем смешаны этапы процесса познания, составляет ядро когнитивной способности человека воссоздавать мир, упорядочивая его в соответствии с языковыми категориями [Там же: 63, 248]. Можно добавить, что перечисленные причины в большей степени объясняют и специфические языковые особенности, которые представлены в отдельных языках своими когнитивными моделями языковой объективации.

Итак, в основе мировидения каждого народа лежит своя система представлений и понятий. Опыт участия в составлении туристического справочника по Сибири и Дальнему Востоку [Le petit futé de la Sibérie, 2000] показал, что одной из задач, связанных с переводческой работой, является выявление понятий и

явлений, отсутствующих у франкоязычной аудитории. Чтобы реалии стали понятны получателю информации, можно использовать различные способы, описанные в специальной переводческой и научной литературе. Так, транслитерация позволяет сохранить «родной» облик для географических названий и слов, получивших широкую известность: *tundra, taïga, chaman, tchoum* и др. Калькирование, или буквальный перевод, имеет свои недостатки, поскольку предполагает наличие фоновых знаний, а это часто затруднительно при описании явлений, отсутствующих в национально-культурной общности адресата. Дополнительные лингвострановедческие комментарии необходимы для описания ряда терминов, связанных с бытом и традициями народов, населяющих западную Сибирь: *облас, чувал, лабаз, сул, кисы, сак, тант* и т.п.

Специфической чертой региональной лексики является широкое распространение народных терминов (*жильник, морда, тиски, черкан, сор*), часто имеющих образный характер. Среди них немало слов с неясной внутренней формой. Что касается мотивированных терминов, несущих эмоциональную окраску, то они представлены лексикой различной степени окрашенности, от нейтральной до разговорной. При переводе на другие языки образность часто стирается. В качестве примера приведем перевод произведений ненецкого поэта Ю.Вэллы на французский язык [Вэлла, 2001]. Такие поэтические слова и выражения, как *развести дымокур, первоснежье, румяная морошка, лежневки*, утрачивают эмоционально-образную окраску и передаются нейтральной лексикой (*faire la fumée, la première neige, la mûre des marais*). Довольно часто русскому гипониму во французском переводе соответствует гипероним: *сугроб — la neige, урочище — les forêts, урман — le bois, поземка — le vent, кочевье — la migration, волок — le passage, нарты — le traîneau* и т.д. Таким образом, квалифицированный подбор эквивалентов в региональной лексике требует тщательного лингвострановедческого анализа.

Дополнительные комментарии необходимы для описания многих диалектных или региональных терминов, связанных с природно-климатическими условиями российских территорий. Наглядным примером может служить слово *рёлка*. В различных регионах России этот термин может обозначать разные явления.

Так, на Севере — это сухая гряда, удлинённый холм в болоте, в Пермском Приуралье — поляна в густом лесу, луг среди болота и т.д. На Дальнем Востоке рёлками называют «невысокие, незатопляемые гривы, заросшие часто лесной растительностью, среди затопленных лугов» [Мурзаев, 1984]. Этот региональный термин достаточно широко употребляется дальневосточниками наряду с такими, как *сонка*, *шуга*, *путина*, *пал*, отражая особенности рельефа местности или природно-климатических особенностей.

Этнические особенности, традиционное мировоззрение [Сподина, 2001: 124] находят яркое отражение в лексике коренных народов Западной Сибири. Примером разных концепций мира являются обозначения Большой Медведицы в виде ковша, телеги, воза [Аникин, 1990: 18—22], особые представления о таких природных явлениях, как гром, молния, северное сияние, радуга («подол неба») [Хомич 1976, 19]. Порой в номинации заложен целый мифический образ, как, например, в ненецком языке понятие *ягода голубика* дословно означает «прячущаяся женщина», объяснение этому названию находим в мифологическом сюжете [Там же].

Другой пример касается тенденции табуирования в номинации. Так, в ненецком языке принято заменять название животных или рыб на описательные термины. Например, слово *медведь* существует, но оно почти не употребляется, вместо него используются слова: *черный*, *лесной*, *в берлоге находящийся*, *дедушка*, *священный*, *грешный* [Хомич, 1976].

3.2. Языковой образ. Образность как культурно значимый компонент. Понятие глубинного образа

Обращаясь к когнитивным аспектам языка, современная психолингвистика ставит задачей синтезировать теорию словесного знака и теорию осмысленного образа. Как отмечает А.А.Леонтьев, чтобы понять носителей другого языка и другой культуры, важно перейти на другой образ мира, но при этом должно быть сходное понимание реальности [Леонтьев, 2003: 268—269]. Автор различает варианты и систему инвариантных образов мира, или абстрактных моделей. Под образом мира в психолингвистике

понимается отображение предметного мира в психике человека, «опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии» [Там же: 268]. Для понимания роли образа в формировании структуры языковой единицы важно знать, что он отличается от представления «своей целостностью и смысловой содержательностью, формируемой восприятием, памятью, воображением и накопленными впечатлениями» [Алефиренко, 2005: 115]. Часто образность воспринимается как метафоричность в широком смысле [Блинова, 1989]. Под образностью слова понимается также естественная способность стимулировать в сознании или подсознании мысленный образ, при этом доминировать могут разные «модусы образа сознания» и необязательно его предметное содержание [Чугунова, 2000: 152]. Слова или термины могут обладать национально-культурной маркированностью образов. По наблюдениям В.В.Красных [Красных, 2003: 295], на образность могут оказывать влияние как собственно лингвистические факторы, так и «культурная память», которая проявляется в фольклоре, стереотипах и других культурно значимых единицах языка.

В соответствии с принятой нами концепцией наибольший интерес для нас представляют именно варианты образов мира и, если брать еще уже, образность и ее источники в национальных языках и региональных вариантах.

Согласимся с высказыванием Н.Ф.Алефиренко, что для русского языкового сознания образное восприятие мира является доминантным. Как пишет автор, «его этнокультурную основу составляют языковые знаки, представляющие смысловое содержание концептов на уровне их образного и символического воплощения. В русской философской традиции всегда считалось, что понятие омертвляет вещь; вещь уходит на периферию сознания, поскольку она уже осмыслена и переведена в распоряжение логического мышления» [Алефиренко, 2005: 144]. Однако установление степени образности языков — непростая задача, требующая специального исследования с использованием различных параметров. Во второй главе мы изложили гипотезу о различиях полушарного доминирования у представителей разных культур, которая в определенной степени объясняет преобладание образной лексики в языках. Выводы о правополушарной доминанте

аборигенного населения Югры позволяют говорить о высокой степени образности языков этих народов.

Обратимся к ряду примеров. Большой интерес для этнографов, культурологов и лингвистов имеют сведения о названиях месяцев в различных диалектах хантыйского языка, отражающих природохозяйственные циклы, своеобразии традиционного образа жизни коренных народов. Каждый из месяцев содержит чаще всего сведения о природных явлениях: сентябрь — «листопад», октябрь — «месяц отлета уток», «мало замерзает»; ноябрь — «месяц замерзания Оби», «много замерзает»; январь дает названия, обыгрывающие тему мороза, — «морозный месяц», «большой морозный месяц»; февраль — «месяц замора Оби»; март — «вороний месяц», «таежный месяц», «месяц орла»; апрель — «месяц бурундука», «месяц лебедя»; май — «месяц прилета гусей и уток» или «отметавшего икру осетра месяц»; июнь — «месяц цветения ягод», «месяц, когда рыба мечет икру» и даже «месяц комаров»; июль — «месяц муксуна», «середина лета» [В краю селькупов..., 2000; Сирелиус, 2001; Салымский край..., 2000]. Названия могут быть связаны с традиционной хозяйственной деятельностью: август — «месяц сбора ягод» или «месяц больших уловов рыбы», ноябрь буквально обозначает «осень тайга ездить мужчина» или «месяц осеннего хождения в лес (на охоту)», «месяц белкования». В первой главе упоминались также названия месяцев, связанные с оленеводством. Невольно напрашивается аналогия с республиканским календарем эпохи Великой французской революции 1789—1794 гг., в котором названия месяцев были связаны с природохозяйственными циклами: *Vrumaire* — «месяц туманов», *Pluviose* — «месяц дождей», *Floreale* — «месяц цветения», *Fructidor* — «месяц созревания фруктов» и т.д. В данном случае можно говорить о совпадении когнитивных моделей в рамках одного понятийного поля.

А вот традиционный календарь лесных ненцев характеризуется подвижностью и отличается от общепринятого деления годового цикла на месяцы. Иллюстрированное издание «Песни реки Аган» [2003] содержит следующие сведения. Прежде всего, год в ненецком календаре делится условно на шесть периодов. Начинается он с периода *вы'ну* (начало мая — начало июня), «когда снег и лед растаяли, но листья на деревьях еще не появились». Период

таңичу (с 10-х чисел июня до 20-х чисел августа) означает время «появления полного листа до первых заморозков или до начала желтения листа». Этот период еще называют *нетяңқмалша*, или «комариный период». Холодное время года начинается с периода *каньчу* — «похолодание» (конец августа — конец сентября, иногда включая первую декаду октября) или *нимялу пану* — «мошки период», и соответствует времени «от начала желтения листа до появления первых льдинок». Конец сентября — вторая половина октября — период *мыличу* («наледь»), длящийся до сильных морозов. Самый большой период (с 20-х чисел октября до 20-х чисел марта) соответствует периоду *хыла* (от *хыл* — «снег»). И, наконец, период, начинающийся с прилета орла-белохвоста и длящийся до начала мая, называется *налка* (от *нашаняни* — «время наста»).

Известно, что наиболее репрезентативным слоем национального мировосприятия является лексика цветообозначения. Заметим, что если в русском языке можно выделить обозначения ягод по цвету (*голубика, черника*) и обратные наименования (*малиновый цвет*), то в хантыйском языке обозначение цвета чаще связано с оттенками реальных объектов: *алый* от слова *брусника, красный* — от слова *кровь* и даже ассоциируется с промокательной бумагой; светло-зеленый — «цвета свежего сена»; темно-голубой — «спинка белки»; светло-желтый — «цвет глины» и т.д. [Сирелиус, 2000: 247]. Манси обозначают такие оттенки, как красный, рыжий, оранжевый, бордовый, словами *выгыр* или *келп* (цвета крови) [Загадки., 2002: 168].

Ключевыми словами для национального языкового сознания, как известно, являются *ум, душа* или *сердце*. Рассмотрение особенностей выражаемых этими терминами концептов представляет огромный интерес и может стать предметом специального исследования. Отметим лишь, что в различных языках эти термины встречаются во фразеологических оборотах, пословицах и поговорках, подчеркивая их национальное своеобразие. Подобный пример мы находим в ненецком языке: слово *сердце*, употребленное в смысле «жизненная сила», «мужество», включается в выражения «сердце крепкое», «сердце тонкое». В случае если человек проголодался, говорят «сердце заболело», «сердца кончик жевать» означает «перекусить» [Сподина, 2001: 78].

Тесная связь мира человека с окружающей средой просматривается во флористической лексике [Соловар, 2002]. В основе хантыйских названий растений лежат такие признаки, как цвет, место произрастания, характер поверхности, способ применения, названия животных и птиц, которые питаются растением. Эти признаки придают флористической лексике яркую образность: *черника* ассоциируется с цветом золы, *рожь* буквально означает «черной хлебной муки трава»; *клюква* — «ягода кочки» или «ягода открытой болотной местности», «журавль, ягода»; *голубика* означает буквально «голубая ягода» или (в другом диалекте) «ягода гагары»; *подорожник* — «трава двора деревни»; *малина* — «чайное дерево», т.е. для чаепития. В мансийских названиях деревьев и кустарников также зафиксированы образные представления об окружающей природе, свидетельствующие о внимательности и наблюдательности этого народа, о меткости подобранных характеристик [Ромбандеева, 2002]. Так, некоторые названия образованы по принципу звукоподражания. Слово *черемуха* (куст) состоит из двух элементов — ‘хрум-хрум’ + ‘дерево’, образ основан на производимых звуках при поедании ягод. Подобная ассоциация лежит в основе названия ягоды *морошки*: буквально «глуховато хрустеть». Названия деревьев могут указывать на особенности их строения (*ель* — «гибкое, легко поддающееся раскачке»), на сходство с животным (*сосна* буквально переводится с мансийского как «журавль»), на особенности древесины (*осина* — «в лодку превращаемое», т.е. отмечено качество, необходимое для изготовления лодки) и т.д.

Если образная основа представленной здесь флористической лексики хантыйского и мансийского языков лежит на поверхности, то в таких языках, как русский и французский, этот пласт лексики имеет много слов, внутренняя форма которых не выражена. Однако за такими терминами могут стоять глубинные образы, которые также можно рассматривать как культурно значимые компоненты. Представление о внутренней форме как отражении движения мысли человека в процессе созидания слова (А.А.Потебня, Ю.С.Маслов) позволяет проследить формирование скрытой образной основы слов и сравнить на языковых примерах сопоставляемые культуры. Раскрытие внутренней формы слова, считает В.И.Карасик, может быть убедительным приемом для

доказательства того или иного тезиса. Анализ этимологии слов показывает, что «существуют принципы именования, отражающие сущность явлений с точки зрения тех сообществ, в которых возникла необходимость выделить и обозначить эти явления» [Иная ментальность, 2005: 80]. Тезис о детальной и вариативной номинации явлений, актуальных для определенной лингвокультуры, может служить одним из подходов к изучению национально-культурной специфики языкового сознания [Там же: 21].

Обратимся к примерам. Изучение этимологии французского термина *airelle* (*f*), утратившего в современном языке свою особенность, позволяет установить, что глубинное значение слова связано с цветовым образом: заимствованное из провансальского, оно восходит к латинскому *atra* — *черный*. В ботанике это название стало использоваться в качестве родового термина, т.е. ягода. Видовое название связано со словом *myrtille*: *airelle myrtille* — *черника*. На юге Франции принято использование термина *airelle*, на севере — *myrtille* [Dauzat, 1968]. Постепенно оба слова заменяют региональные названия *brimbelle* (*f*), *moret*, *mouret* (*m*) и *sentine* (*f*). Названия первых двух терминов связаны с германским наименованием тутовой ягоды, *sentine* (*f*) восходит к народно-латинскому *sentis* — кустарник. История некоторых названий может рассказать о далеком прошлом народа. Так, термин *sorbe* (*f*) — *рябина* — образован от латинского *sorbum*, заменившего первоначальный кельтский термин, обозначавший понятие «забродивший напиток». Можно предположить, что кельты, населявшие территорию Галлии, использовали ягоды рябины для приготовления такого напитка. Происхождение названия смородины во французском языке имеет две версии, согласно которым в названии отражается образ «ягоды с завитком», т.е. ассоциация по форме (из древневерхненемецкого) либо ассоциация по вкусу — «горький» (из латинского языка). Интересно, что русское название *смородина* содержит в себе ассоциативную связь с запахом: слово представляет собой исконное суффиксальное производное от *морода*, того же корня, что и *смердеть*, *смад* [<http://etimology.net.ua/g/php>].

Представленный материал подтверждает известную идею о том, что свойственный языкам способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально

специфичен. Когнитивный подход к изучению иноязычных культур через языки позволяет выявить и сравнить культурно значимые концепты.

Изучение разноструктурных языков всегда связано с определенными трудностями. Во-первых, это специфика структуры языка, а во-вторых, это обширный культурный пласт, формирующий языковую картину мира. Кроме языковой компетенции необходимы фоновые (страноведческие, культурологические и т.д.) знания. Однако работа с разноязычным материалом имеет и большую познавательную ценность: изучение региональной лексики дает возможность извлечь через язык социокультурную информацию, увидеть за языковыми знаками историю, традиции, мировоззрение, самобытность носителей языка, лучше понять их культуру и восхититься образностью восприятия человеком окружающего мира.

Как справедливо отмечает Т.И.Вендина, «...для лингвиста ключом к тайнам многослойного мыслительного универсума любой культуры является язык, ведь именно он формирует понятия и организует восприятие в связанную картину мира, причем, чем важнее в культурном отношении понятие, тем больше и детальнее оно параметризовано» [Вендина, 2002: 42]. Изучение языковых явлений различного порядка с когнитивных позиций предполагает реконструкцию языковой картины мира и выявление универсальных или специфических особенностей мировосприятия человеком или народами, говорящими на определенных языках.

3.3. Когнитивное моделирование

Возникает закономерный вопрос: для чего нужны модели? В лингвистике моделирование используется, прежде всего, с целью описания или объяснения языковых явлений, для репрезентации механизма порождения высказывания [Белозерова, Чуфистова, 2004: 5, 11]. Т.А. ван Дейк пишет о необходимости моделирования для обеспечения быстрого и эффективного поиска, обработки и представления информации, а также составления базиса для интерпретаций, в частности, дискурса. Формальные модели, пишет ученый, являются «репрезентациями тех фрагментов

действительности, по отношению к которым являются осмысленными соответствующие языковые выражения, а последние в свою очередь в этих моделях интерпретируются...» [Дейк, 1989: 163—165]. Ряд лингвистов совершенно справедливо указывают на то, что моделирование осуществляет совместно с исследованиями других областей гуманитарных знаний вклад в построение теории, «направленной на понимание другого» [Иная ментальность, 2005: 334]. С нашей точки зрения, моделирование применительно к изучению языкового материала позволяет наглядно представить внутрискруктурные связи языковых явлений, систематизировать знания о языковых феноменах, может служить основой для их интерпретации.

Существует множество определений когнитивной модели. Под когнитивной моделью понимается коррелят реальной ситуации, базовые конструкторы, обобщенная структура стереотипных ситуаций, структура знания, структура сознания, прототипическая структура, динамичная структура и т.д. [См., например: Бондарко, 2006; Горячева, 2006; Карасик, 2004: 127—130; Красных, 2003: 273—296; Лайонз, 2004: 235; Лангакер, 1997; Олешков, 2006; Цивьян, 2005; Poitou, 2001].

Описание когнитивных моделей является важным аспектом при разноязычных сопоставлениях, имеющих целью выявить общие или специфические черты в восприятии окружающей действительности, проанализировать информацию об ассоциативных или образных представлениях, о культурно значимых концептах, отраженных в языках. В отличие от традиционного структурно-семантического подхода, опирающегося на компонентный состав семантики языковых единиц при изучении их значений, когнитивный анализ предполагает изучение образов (так называемого «наивного» восприятия мира), мотивирующих значение языковых единиц. Первостепенное внимание при подобном анализе уделяется понятийной сфере, и объектом изучения являются понятия, сформированные в результате познавательной деятельности человека.

Основной проблемой современного когнитивного моделирования остается выявление принципов описания формализованных моделей. Поскольку когнитивная модель представляет собой вербально-понятийную реконструкцию окружающей действительности, то

между реальными ситуациями и их когнитивными соответствиями существуют определенные различия. Т.А. ван Дейк указывает на фрагментарность и неполноту моделей в отличие от соответствующих реалий, их субъективность, несмотря на «социальную обусловленность концептуального представления ситуаций» [Дейк, 1989: 82—83]. В когнитивной лингвистике общепринятыми являются такие обозначения структурных типов представления знаний, как схема, картина, фрейм, скрипт, сценарий, стереотипная ситуация и т.д. Понятие когнитивной модели в лингвистике окончательно не сформировалось. На наш взгляд, в некоторых случаях целесообразно выбрать такое понимание модели, которое объединяет перечисленные разновидности концептуальной репрезентации знаний, поскольку содержание модели может быть представлено и в виде схемы, и в виде картины или сценария и т.д., в зависимости от заданных языковых единиц. Под когнитивной моделью мы, таким образом, подразумеваем схему обобщенной (типовой) ситуации-инварианта.

Очевидно, что процедура когнитивного моделирования в лингвистике должна подчиняться определенным целям. Так, одна из первых попыток описания лингвистических моделей, как известно, состояла в установлении словообразовательных моделей. Мы имеем опыт описания когнитивных моделей с целью исследования понятийной категории аспектуальности [Рянская, 2002]. Повышенный интерес наблюдается к изучению глубинных связей между культурой, национальным менталитетом и такими языковыми явлениями, как метафора, метонимия, идиома. В этой области актуальным для исследования представляется материал нескольких языков, позволяющий установить как концептуальные универсалии, так и различия на уровне образов-прототипов или коннотаций [Корнилов, 2003: 157].

При составлении любой когнитивной модели следует учитывать следующие обстоятельства. Как мы установили, в результате познавательной деятельности человека возникает система понятий, представляющих собой самый сложный, идеальный образ предмета или явления объективного мира. Свойства, присущие понятию, способствуют коммуникации, межъязыковым контактам, однако, с другой стороны, понятия могут иметь и определенные расхождения. Речь идет либо о различном восприятии

(ощущении) реальности, например, пространственно-временных параметров, либо об индивидуальных образно-ассоциативных представлениях. Так, например, общая понятийная модель «резкое отличие от окружающих» в различных языках основывается на специфической образности: *белая ворона* в русском языке, *an odd fish* в английском языке и *un mouton à cinq pattes* во французском языке.

Таким образом, чтобы уточнить, что же представляет собой когнитивная модель, следует внести следующие дополнения. Для описания содержащейся в языке информации в когнитивной лингвистике используются понятия прототипа или прототипической ситуации как наиболее репрезентативной единицы. Для описания прототипических ситуаций используются также термины «схема», «модель», «поле», «образ-прототип» и т.п. На наш взгляд, в системе когнитивного анализа представляется более уместным выделить и разграничить два понятия: «когнитивная модель» и «мотивирующий образ» [Солодуб, 2001; Филоненко, 2003]. Под когнитивной моделью мы подразумеваем схему обобщенной (типовой) ситуации-инварианта. Что касается мотивирующего образа, то он является денотативным вариантом данной ситуации [Кустова, 2000]. Следует отметить, что в общей схеме когнитивной (познавательной) деятельности следующим за когнитивной моделью является этап репрезентации знаний в языке. Для того, чтобы представить переход от «референциального мира» к выражению в языке воспользуемся термином «репрезентативная модель», под которым подразумевается конкретизация когнитивной модели в отдельном языке.

Подобное разграничение позволяет, таким образом, создавать описание когнитивной модели, общей для исследуемых языков, и подбирать в каждом из языков соответствующие ей репрезентативные модели, состоящие из определенных мотивирующих образов.

Проиллюстрируем данную схему анализа на следующем примере. В качестве инвариантной выберем ситуацию «именно в этом настоящая причина, суть дела», которая передается фразеологическим оборотом: в русском языке *Вот где собака зарыта*, во французском языке *C'est là que gît le lièvre* и в английском *Where the shoe pinches*. Описание когнитивной модели

строится по схеме «вот где находится/производится кто-то/некто». Для русского и французского языков данная модель может иметь более конкретизированное содержание: «вот где покоится животное» и становится репрезентативной. В английском языке наблюдается вариант «вот где обувь жмет», то есть образ, мотивирующий значение данного фразеологического оборота, существенно отличается от образа животного (*собака* в русском языке и *заяц* во французском). Применение когнитивного подхода при анализе различных языковых явлений позволяет выявить общие и специфические репрезентативные модели и проследить сходство и различие в их конкретном наполнении в виде мотивирующих образов.

Предлагаемая схема составления когнитивных моделей частично основана на уже цитированных методиках сопоставительного анализа, тем не менее, вносит определенные дополнения, касающиеся природы когнитивного процесса.

Анализируя конкретный языковой материал — фразеологизмы с ключевыми компонентами «цвет», «плод», «животное», мы находим подтверждение тому, что вербализованная оценка материального мира национально детерминирована и обусловлена конкретной культурой. Рассмотренные фразеологические единицы соответствуют следующим основным моделям: «стереотип», «символ», «ассоциация», «маркер» (специфическое обозначение реалий).

Известные стереотипы отражены, прежде всего, в представлениях человека о мире животных. Образы животных могут свидетельствовать о влиянии народных традиций, историко-литературных сюжетов или же об эмпирических наблюдениях. Так, *осел*, как правило, упрям и глуп: рус. *упрямый как осел*; фр. *tête comme un âne*; англ. *to be an ass for one's pains* — остаться в дураках; нем. *wer sich zum Esel macht, muß Säcke tragen* — дураков работа любит. Отступление от этого стереотипа наблюдается во французской фразеологии: *ослу* приписывается такое качество, как трусость: *coup de pied de l'âne* (букв. «удар осла» «или низкая месть труса»); источник — одна из басен Федра). В разных языковых картинах мира *свинье* приписывают массу недостатков и отрицательных качеств, однако немецкий фразеологизм *Schwein haben*

(букв. «иметь свинью»), используемый в разговорной речи, вносит в этот бытующий стереотип определенное изменение.

Жизнь человека может быть тесно связана с такими домашними животными, как *собака* и *кошка*. Известные стереотипы «собачья жизнь», «собачий холод/погода», «собака на сене», «вот где собака зарыта», «собачья верность» и т.д. широко представлены в новых европейских языках. Среди стереотипов, связанных с *кошкой*, выявляется наиболее распространенный в исследуемых языках — «ночью все кошки серы»: нем. *bei Nacht sind alle Katzen grau*; фр. *la nuit, tous les chats sont gris*; англ. *all cats are gray in the dark*; исп. *de noche todos los gatos son pardos*. Любопытно, что, несмотря на то, что кошек обычно очень любят, проявляют к ним нежные чувства, это отношение к животному почти не отразилось во фразеологии. Преобладают, скорее, отрицательные оценки, например: фр. *ingrat comme les chats* — быть неблагодарным как кошка; фр. *écrire comme un chat* — букв. писать как кошка; нем. *das ist für die Katze* — *паз.* впустую, *рус.* кому под хвост. Эти примеры иллюстрируют тот факт, что ожидаемый стереотип не всегда находит отражение в языках.

Национально-этнические различия стереотипов объясняются несовпадением либо объектов референциальной ситуации, либо ассоциативных образов. Так, среди фразеологизмов с компонентом «птица» совпадение стереотипов наблюдается во фразеологизмах с языковыми элементами «сорока» (болтать как сорока), «утка» (ложь), «жаворонок» (ранняя пташка). В большинстве же случаев образ той или иной птицы, в зависимости от языка, связан с разными стереотипными представлениями. С другой стороны, стереотипные ситуации могут передаваться в языках путем использования образов совершенно разных птиц. Например, во французской языковой картине мира чаще упоминаются сойка, дрозд, зяблик, в русской — воробей, ворона, соловей, синица, журавль и др. В русской языковой картине мира *бабочка* ассоциируется с легкостью: *порхать как бабочка*. Во французском языке этот компонент связан с представлением о ветрености, черных мыслях, а в разговорной речи слово *бабочка* используется для обозначения письменного уведомления о штрафе за нарушение правил стоянки автомобиля.

Когнитивная модель «символ» представлена во фразеологии рассматриваемых нами языков через ключевой компонент «цвет». Общей чертой фразеологических моделей, содержащих данный компонент, является определенная, принятая в языковом или межъязыковом сообществе символика: *желтая пресса*, *белый воротничок*, *черный список* и др. Наиболее распространенными цветовыми символами являются *белый* и *черный*. Белый цвет часто ассоциируется с положительными человеческими качествами: англ. *white men* — порядочный человек; нем. *eine weiße Weste haben* — иметь незапятнанную репутацию. Кроме того, этот цвет символизирует пустоту, отсутствие чего-либо: рус. *с белого листа*; фр. *passer une nuit blanche*; англ. *white night* — бессонная ночь. Черный цвет соотносится в целом с негативными признаками: нем. *schwarz (an)sehen*; фр. *voir tout en noire* — видеть всё в мрачном свете; фр. *film noir* — фильм ужасов, англ. *to be in smb's black book* — попасть в черную книгу.

Ассоциативные модели наиболее ярко представлены в нашем материале на примере фразеологических единиц с ключевым компонентом «фруктовый/овощной плод». Более активно использует этот компонент французский язык, в русском языке употребления подобных фразеологических единиц редки. В основе образования данных моделей лежит внешнее сходство или метафорический образ, содержащие ассоциативно-образное сравнение. Примеры показывают, что весьма продуктивными являются модели, в основе которых лежит восприятие плода как чего-то пустячного, простого: «пустой человек», «дурачок, простак, слабоумный». Например: фр. *une banane* — дурачок; *une poire* (груша) — простак; *un melon* (дыня) — простофиля, *une pomme à l'eau* — дурак набитый; нем. *eine weiche Birne haben* — букв. иметь мягкую грушу, т.е. голову, *прост.* быть слабоумным.

Ассоциативные образы могут быть основаны на сходстве форм или сравнении с качественными признаками плодов. Например, в просторечье для обозначения головы или лица используется название того или иного фрукта или овоща: фр. *la cerise* (вишня), *le citron* (лимон); нем. *die Birne* (груша). Во французской фразеологии широко представлен компонент «капуста», с которым часто связаны отрицательные эмоционально-оценочные ассоциации: *bête comme le chou* — глупый как капуста; *faire le chou blanc* —

опростоволоситься; *finir dans les choux* — оказаться на мели, попасть впросак. При этом известное обращение *mon chou, ma chouette* (букв. «моя капусточка») содержит иронично-ласковое значение «душенька, премиленький, хорошенький». В немецком языке фразеологизмы с компонентом «капуста» содержат чаще всего отрицательный оттенок: *da macht den Kohl nicht fett* — мало радости; *aufgewarmer Kohl* — старая история (букв. переваренная капуста); *den alten Kohl wieder aufwärmen* — затянуть старую песню (букв. подогревать старую капусту).

Ассоциативные модели, основанные на сравнении, хотя и в меньшей степени, свойственны фразеологическим единицам и с другими компонентами, например, «животное».

Когнитивная модель «маркер» представлена фразеологизмами с ключевым компонентом «цвет», содержащими специфические для того или иного общества указатели. Такие цвета, как белый, синий, голубой, зеленый и красный, имеют отношение к маркировке определенных документов, цветовому оформлению книг, фирменной одежде и т.п., принятым в том или ином государстве. Приведем несколько примеров. В английском языке выражение *white book* (белая книга) используется для обозначения сборника официальных документов; *orange book* — отчет министерства земледелия (в оранжевом переплете). Во французском языке выражение *la zone bleue* (синяя зона) обозначает кварталы, в которых ограничено время стоянки автомобилей; *un petit bleu* — телеграмма, письмо, посланное пневматической почтой в Париже. В немецком языке выражение *blauer Brief* (букв. голубое письмо), обозначающее уведомление об отставке, связано, очевидно, с использованием документа, маркированного определенным цветом.

Думается, что набор репрезентативных моделей будет зависеть от того, какой языковой пласт подвергается когнитивному анализу. Тот же компонент «плод», входящий в сферу исследования образного поля флористической лексики, может быть рассмотрен с точки зрения мотивирующего или глубинного образа данного термина в языке. В разделе 3.2 были рассмотрены хантыйские и мансийские названия растений, образное поле которых представлено такими моделями, как «свойство», «назначение», «ассоциативный образ по сходству» и «звукоподражание». Специальное

тщательное исследование флористической лексики в языках обско-угорских народов позволит, возможно, обнаружить и другие когнитивные модели, свидетельствующие о близком контакте с природой и о своеобразном ее восприятии.

Обращение к флористической лексике французского и русского языков позволяет выделить ряд моделей, состоящих из мотивирующих, в том числе глубинных, образов, которые лежат в основе наименований растений, плодов и грибов. Можно выделить три основные группы моделей: образно-перцептивные, образно-метафорические и образно-функциональные, которые представлены соответствующими репрезентативными моделями (см. табл. 7).

Таблица 7

Группа моделей	Модель	Французский язык	Русский язык
Образно-перцептивные	цвет	<i>mandarine (f)</i> — мандарин (от исп. <i>mandarina</i> — оранжевый); <i>russule (f)</i> — сыроежка (от лат. <i>russula</i> — красный)	голубика, черника; рыжик (от <i>рыжий</i> или от однокоренного <i>ржаветь</i> — становиться красным)
	запах	<i>mirabelle (f)</i> — алыча (от ит. < лат. < греч.); <i>samomille (f)</i> — ромашка (от лат. < греч. «земляное яблоко» — запах цветов напоминал запах яблок)	смородина (от <i>сморода</i> , <i>смород</i> — сильный запах)
	вкус	<i>gigne (f)</i> — черешня (герм. «кислая вишня»)	полянть горькая
	форма	<i>ancolie (f)</i> — водосбор (от лат. «собирающий воду», по форме чаши цветка) <i>armilaire (f)</i> — опенок (от лат. «браслет»)	наперстянка, дудник, медвежье ухо
	место произрастания	<i>airelle des marais (m)</i> — голубика (букв. «болотная ягода»);	груздь (от <i>груда</i> , т.е. «растущий на груде»); опенок («около пня»);

		<i>noix (m) de terre</i> — арахис, (букв. «земляной орех»)	<i>подберезовик, подосиновик</i>
Образно-метафорическая	ассоциативный образ	<i>arrête-boeuf (m)</i> — стальник (букв. «останавливающий волон», растение, корни которого останавливают плуг)	<i>сон-трава, пастушья сумка, мать-и-мачеха</i>
	сравнение	<i>piéd d'alouette (m)</i> — живокость	<i>львиный зев, вороний глаз</i>
Образно-функциональная	назначение	<i>melisse (f)</i> — Melissa (от лат. < греч. букв. «лист пчел»); <i>vachotte (f)</i> — груздь (используется как название различных растений, которые едят коровы)	<i>воробейник, лекарственный ласточник, вишвица, язвенник целебный</i>
	время произрастания, цветения	<i>paquerette (f)</i> — маргаритка (от Paque — Пасха); <i>primevere (f)</i> — примула (от нар.-лат. «первая весна», расширение значения — «весенний цветок»)	<i>первоцвет, адонис осенний; дождевик</i>
	свойство	<i>tue-mouches (m)</i> — мухомор (букв. «убивающий мух»); <i>amadouvier (m)</i> — трутовик (от провансальского, букв. «влюбленный», название связано со свойством гриба легко воспламеняться)	<i>ветреница</i> (цветок открывается от ветра), <i>дымянка</i> (сок растения разъедает глаза, как дым)

Среди рассмотренных терминов встречаются также названия, образованные от имен собственных. Так, французское название травы тысячелистник — *achillee (f)* — связано с мифологическим именем Ахиллес: по преданию Ахиллес использовал это растение

для лечения ран; *armoise (f)* — полынь — означает «растение Артемиды»; *euphorbe (f)* — молочай — образовано от имени врача, который установил лечебные свойства этого растения; термин *colchique (m)* — безвременник — заимствован из греческого языка и означает «растение Колхиды», страны Медеи, назван так за свои ядовитые свойства.

Мы рассмотрели на примере нескольких языков лишь небольшую часть языковых единиц, которые содержат закрепленные в языке представления об окружающем мире, куда непременно вплетается национально-культурный опыт. Следует согласиться с мыслью, высказанной О.А.Корниловым, что важно не только овладение формальными средствами выражения чего-либо, но и знание глубинных причин именно такой, а не иной формы выражения. Такое знание может стать результатом знакомства с культурой и языком, который отражает систему мировидения конкретного этноса [Корнилов, 2003: 87].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящая работа представляет собой попытку описания системного, комплексного подхода к изучению лингворегиональных особенностей. Используя материал нескольких языков, мы пытались показать подходы, принципы и методы изучения языкового материала, которые могут быть взяты за основу при решении обозначенных в работе проблем. В качестве базового был использован когнитивный подход, поскольку развитие этого направления ознаменовало переход от описательной лингвистики к объяснительной.

Обращаясь к региональным исследованиям, мы вступаем в область межъязыковой и межкультурной коммуникации. Находясь на одной территории, носители разных языков являются и носителями разных миропониманий. Миропонимание как сложный феномен включает понятия, представления, образы, стереотипы, знания о мире и человеческих отношениях [Иная ментальность, 2005: 334]. Как объективируется в языке этот феномен, как отражаются в языковом сознании концепты — на эти вопросы можно ответить, обратившись к различным языкам, какими бы они ни были — распространенными или принадлежащими миноритарным народам.

Представленный материал также ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту описания «картины мира» обско-угорских народов. Научно-исследовательские изыскания в этой области пока недостаточны. Предварительный анализ литературы об истории, культуре и традициях коренных народов Сибири (более 50 источников) показал, что в исследованиях последних лет заметна тенденция к изучению не только истории этих народов, их быта, обычаев и традиций, но и их мировоззрения и мировидения. Полученные данные укрепляют мысль о необходимости системных, междисциплинарных исследований — историко-лингвистических, лингвокультурологических, социолингвистических и лингвострановедческих.

На фоне разносторонних исследований недостаточными, на наш взгляд, являются разработки в области заимствований, фразеологии, народной топонимики. Отсутствуют системные труды

по страноведению и лингвострановедению Югры, словарь по топонимике нашего края, толковые лингвистические словари. Последние необходимы для тех исследователей или любознательных студентов, которые не владеют финно-угорскими языками, но хотели бы сравнить глубинную структуру языковых элементов с другими языками в целях понимания общеязыковых тенденций и усвоения связей в триаде «язык — культура — национальный менталитет». Перспективным представляется изучение и системное описание «языковой картины мира» обских угров в рамках когнитивного направления. В целях развития межнационального взаимопонимания и формирования толерантности к иноязычным культурам необходимы исследования сопоставительно-типологического плана, а также изучение литературы тех авторов, которые пишут на родном и русском языках. Положительным примером является популяризация прозы, поэзии и других жанров известных югорских авторов Юрия Вэллы и Еремея Айпина через переводы на русский, французский, немецкий и другие языки.

Не только литературные, но и любые другие источники социокультурной информации позволяют выявить региональную специфику взаимопроникновения и взаимоусвоения духовных и материальных основ этнокультурных сообществ Севера Западной Сибири.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ажеж К.* Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки / Пер. с фр. М., 2003. — 304 с.
- Алефиренко Н.Ф.* Современные проблемы науки о языке. М., 2005. — 416 с.
- Алквист А.* Среди хантов и манси. Путевые записи и этнографические заметки / Пер. с нем. Томск, 1999.
- Аникин А.Е.* К типологии названий Большой Медведицы в языках Сибири // Изв. Сибирского отделения АН СССР. Сер. истории, филологии и философии. 1990. Вып. 3. С. 18—22.
- Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских заимствований в языках Сибири. Пробные статьи. Препринт. Новосибирск, 1998. Ч. 1. — 96 с.
- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М., 1998. — 895 с.
- Баксанский О.Е., Кучер Е.Н.* Когнитивные науки: от познания к действию. М., 2005. — 184 с.
- Баранов А.Н., Добровольский Д.О.* Постулаты когнитивной семантики // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. Т. 56. № 1. С. 11—21.
- Белозерова Н.Н., Чуфистова Л.Е.* Когнитивные модели дискурса. Тюмень, 2004. — 256 с.
- Бенвенист Э.* Категории мысли и категории языка // Общая лингвистика. М., 1974. С. 104—114.
- Блинова О.И.* Языковое сознание и вопросы теории мотивации // Язык и личность. М., 1989. — 231 с.
- Бондарко А.В.* Категоризация в системе функциональной грамматики // Вопросы филологии. 2006. № 1(22). С. 22—32.
- Борщев В.Б., Кнорина Л.В.* Типы реалий и их языковое восприятие // Язык логики и логика языка: Сб. ст. к 60-летию В.А. Успенского. М., 1990. С. 106—134.
- Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.* Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. — 574 с.
- Быкова Г.В.* Лакунарность как категория лексической системологии: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1999. — 33 с.
- В краю селькупов:* Красноселькупский район: Природа. Люди. Экономика. Экология. Екатеринбург, 2000. С. 90—92.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М.А.Кронгауз. М., 1996. — 416 с.

Вендина Т.И. Введение в языкознание. М., 2001. — 288 с.

Видмер А. От Г.Ф.Миллера к современной обско-угорской филологии // Три столетия академических исследований Югры: от Миллера до Штейница: Материалы международного симп. Екатеринбург, 2006. Ч. 2. Академические исследования Северо-Западной Сибири в XIX—XX вв.: история организации и научное наследие. С. 33—50.

Волдина Т.В. Хантыйский фольклор: история изучения. Томск, 2002. С. 45—46.

Влахов С.И., Флорин С. Непереводимое в переводе: Монография. М., 1986. 384 с.

Вэлла Ю. Поговори со мной. Нижневартовск, 2004. — 128 с.

Вэлла Ю. Триптихи / Пер. на фр. Е.Тулуз. Ханты-Мансийск, 2001. — 170 с.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. — 224 с.

Горячева М.А. Типологическая модель языковых ситуаций: итоги разработки и перспективы // Вопросы филологии. 2006. № 1(22). С. 60—66.

Дейк Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989. — 312 с.

Демьянков В.З. Понятие и концепт в художественной литературе и в научном языке // Вопросы филологии. 2001. № 1(7). С. 35—47.

Дмитриева Т.Н. Топонимия бассейна реки Казым. Екатеринбург, 2005. — 580 с.

Дорошевский В. Элементы лексикологии и семиотики // Психолингвистика в очерках и извлечениях: Хрестоматия. М., 2003. — 464 с.

Загадки мансийские (вогульские) / Авт.-сост. Т.Д.Слинкина. Ханты-Мансийск, 2002. — 258 с.

Залевская А.А. Психолингвистический подход к анализу языковых явлений // Вопросы языкознания. 1999. № 6. С. 31—42.

Иванов Вяч. Вс. Лингвистика третьего тысячелетия: Вопросы к будущему. М., 2004. — 208 с.

Иная ментальность / В.И.Карасик, О.Г.Прохвачева, Я.В.Зубкова, Э.В.Грабарова. М., 2005. — 352 с.

Казакова Т.А. Практические основы перевода. СПб., 2000. — 320 с.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М., 2004. — 390 с.

Канакин И.А. Языки соседей (о хантыйском и ненецком). Тюмень, 1996. — 124 с.

Кобылянский В.А. Философия экологии: общая теория экологии, геоэкология, биоэкология. М., 2003. — 192 с.

Кибрик А.Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфическое в языке). М., 2002. — 336 с.

Колианский Г.В. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990.

Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М., 2003. — 349 с.

Кошкарева А.М. Словарь специальной лексики Обь-Иртышского междуречья. Нижневартовск, 2006. — 234 с.

Кошкарева А.М. Специальная лексика северных районов Тюменской области: Моногр. Нижневартовск, 2003. — 140 с.

Красных В.В. «Свой» среди «Чужих»: миф или реальность. М., 2003. — 375 с.

Красных В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002. — 284 с.

Крысько В.Г. Этническая психология. М., 2002. — 320 с.

КСКТ — Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. — 246 с.

Кубрякова Е.С. Размышления о судьбах когнитивной лингвистики на рубеже веков // Вопросы филологии. 2001. № 1(7). С. 28—34.

Кустова Г.И. Когнитивные модели в семантической деривации и система производных значений // Вопросы языкознания. № 4. 2000. С. 85—109.

Лайонз Дж. Язык и лингвистика. Вводный курс / Пер. с англ. М., 2004. — 320 с.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем / Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. А.Н.Баранова. М., 2004. — 256 с.

Лангакер Р.В. Модель, основанная на языковом употреблении // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1997. № 6. С. 101—123.

Левковская К.А. Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 2005. — 296 с.

Леонтьев А.А. Основы психолингвистики. М.; СПб., 2003. — 287 с.

Леутин В.П., Николаева Е.И. Функциональная асимметрия мозга: мифы и действительность. СПб., 2005. — 368 с.

Лыскова Н.А. Семантика падежа в обско-угорских языках. СПб., 2003. — 248 с.

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мазин В.А. Самоценность природы в культуре обских угров: Моногр. Нижневартовск, 2004. — 127 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса. М., 2003. — 280 с.

Маковский М.М. «Картина мира» и миры образов (Лингвокультурологические этюды) // Вопросы языкознания. 1992. № 6. С. 36—53.

Малолетко А.М. Географическая ономастика. Томск, 2004. — 197 с.

Малолетко А.М. Палеотопонимика. Томск, 1992. — 264 с.

Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология. Киев, 2004. — 326 с.

Мансийские (вогульские) песни на мансийском и русском языках / Сост. Е.И.Ромбандеева, Л.П.Акст. Ханты-Мансийск, 1998. С. 6—9.

Матвеев А.К. Ономатология. М., 2006. — 292 с.

Медведев Н.П. Политическая регионалистика. М., 2002. — 176 с.

Мельникова А.А. Язык и национальный характер. Взаимосвязь структуры языка и ментальности. СПб., 2003. — 320 с.

Меркулов И.П. Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000а. С. 70—83.

Меркулов И.П. Формирование «пропозициональной» парадигмы в античной эпистемологии // Эволюция. Язык. Познание. М., 2000б. С. 162—220.

Мещанинов И.И. Члены предложения и части речи. Л., 1978. — 388 с.

Мифы, сказки, предания манси (вогулов) / Сост. Е.И.Ромбандеева. Новосибирск, 2005. — 475 с.

Муравьев В.Л. Проблемы возникновения этнографических ланкун. Владимир, 1980. — 106 с.

Мурзаев Э.М. Словарь народных географических терминов. М., 1984. — 653 с.

Новикова Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2000. № 1. С. 40—49.

Олешков М.Ю. Системное обоснование дискурсивной модели // Вопросы филологии. 2006. № 1(22). С. 33—38.

Онина С.В. Отраслевая лексика хантыйского языка: словарный состав, связанный с оленеводством: Моногр. Йошкар-Ола, 2003. — 154 с.

Перевалова Е.В., Карачаров К.Г. Река Аган и ее обитатели. Екатеринбург; Нижневартовск, 2006. — 352 с.

Песни реки Аган. Мегион; Варьеган, 2003. — 88 с.

Плунгян В.А. Почему языки такие разные. М., 2001. — 304 с.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2002.

Потебня А.А. Мысль и язык. Собрание трудов. М., 1999. — 269 с.

Радченко О.А. Язык как мирозидание: Лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. М., 2006. — 312 с.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000. — 416 с.

Ромбандеева Е.И. История народа манси (вогулов) и его духовная культура. Сургут, 1993. — 208 с.

Ромбандеева Е.И. Мансийская географическая терминология // Языки и культура народов ханты и манси: Материалы Международной конф., посвященной 10-летию НИИ обско-угорских народов. Томск, 2004. Ч. 2. Филология. С. 68—72.

Ромбандеева Е.И. Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 46—48.

Ромбандеева Е.И. Русско-мансийский словарь. СПб., 2005. — 360 с.

Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. М., 2006. — 304 с.

Рянская Э.М. Дальневосточный регион: из опыта составления туристического справочника // Дальний Восток — территория, природа, люди: Доклады регион. науч.-практ. конф. Биробиджан, 1997. С. 22—27.

Рянская Э.М. Мировосприятие в географических терминах // Россия и Китай: интеграция в сфере экономики, науки и образования: Тез. и докл. I Международной конф. (Биробиджан, 20—21 декабря 1997 г.). Биробиджан, 1998. С. 31—38.

Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: Монография. СПб., 2002. — 191 с.

Рянская Э.М., Рянский Ф.Н. Цивилизации, культуры, языки на севере Западной Сибири: дефиниции и реалии // Деятельностное понимание культуры как вида человеческого бытия: Материалы II Международной науч. конф. (Нижевартовск, 23—24 декабря 2004 г.) / Отв. ред. В.И.Полищук. Нижевартовск, 2004. С. 11—113.

Салымский край. Екатеринбург, 2000. С. 92—94.

Санхорова Г.Н. Региональный французский язык как новая традиция разговорного французского языка // Межкультурная коммуникация: Тез. докл. и сообщ. сибирско-французского семинара (Иркутск, 15—17 сентября 1993 г.). Иркутск, 1993. С. 44—46.

Седых А.П. Языковая личность и этнос (национально-культурные особенности коммуникативного поведения русских и французов). М., 2004. — 269 с.

Серебренников Б.А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М., 1988.

Сирелуус У.Т. Путешествие к хантам / Пер. с нем. Томск, 2001. — 344 с.

Скрелина Л.М. Послесловие и комментарии // Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики. М., 1992. С. 168—210.

Словарь иностранных слов. М., 1989. — 624 с.

Солодуб Ю.П. Перспективы многоязычной сопоставительной фразеологии // Филологические науки. 2001. № 2. С. 48—56.

Соловар В.Н. Картинный словарь хантыйского языка: Казымский диалект. СПб., 1997. — 159 с.

Соловар В.Н. Флористическая лексика хантыйского языка // Народы Северо-Западной Сибири. Томск, 2002. Вып. 9. С. 49—53.

Сорокин Ю.А. Теория лакун и оптимизация межкультурного общения // Единицы языка и их функционирование: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1994. Вып. 4. С. 3—9.

Спиридонова И.Е. Этнокультурное взаимодействие и межнациональные отношения в Якутии: Опыт историко-социологического исследования. Новосибирск, 1999. — 102 с.

Сподина В.И. Представление о пространстве в традиционном мировоззрении лесных ненцев Нижневартовского района. Новосибирск, 2001. — 124 с.

Степанов Ю.С. Основы общего языкознания: Учеб. пособие. М., 1975. — 271 с.

Степанов Ю.С. Имена. Предикаты. Предложения: Семиологическая грамматика. М., 1981. — 360 с.

Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2003. — 368 с.

Терешкин Н.И., Сподина В.И. Словарь хантыско-русский и русско-хантыйский. Нижневартовск, 1997. — 335 с.

Тишков В.А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. — 544 с.

Тойнби А. Постижение истины. М., 2001. — 640 с.

Томахин Г.Д. Реалии-американизмы. М., 1988. — 239 с.

Урысон Е.В. Языковая картина мира vs. Обиходные представления (модель восприятия в русском языке) // Вопросы языкознания. 1998. № 2. С. 3—21.

Успенский П.Д. Tertium organum: Ключ к загадкам мира. М., 2000. — 432 с.

Феенкер В. Словарь хантыйского литературного языка 40-х гг. (среднеобский диалект) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. филология. 1995. № 4. С. 87—91.

Филоненко Т.М. Фразеологический образ в языковой модели пространства // Филологические науки. 2003. № 2. С. 87—93.

Фрумкина Р.М. Психоллингвистика. М., 2003. — 320 с.

Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. В.В.Бибихина. М., 1993. — 447 с.

Хомич Л.В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера (вторая половина XIX — начало XX вв.). Л., 1976. С. 16—30.

Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М., 2005. — 280 с.

Чернейко Л.О., Хо Сон Тэ. Концепция *жизнь* и *смерть* как фрагменты русской языковой картины мира // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 2001. № 5. С. 50—59.

Шатилов М.Б. Ваховские остяки: этнографические очерки. Тюмень, 2000. — 288 с.

Шатуновский И.Б. Семантика предложения и неререферентные слова (значение, коммуникативная перспектива, прагматика). М., 1996. — 400 с.

Шафиков С.Г. Языковые универсалии и проблемы лексической семантики. Уфа, 1998.

Шмелев А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю. М., 2002. — 224 с.

Шульце Б. Многозначность слова в хантыйском языке // Народы Северо-Западной Сибири. Вып. 30. Томск, 1996. С. 37—39.

Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Ханты-Мансийск, 2000. Т. 1. — 399 с.

Ягелло М. Алиса в стране языка. М., 2003. — 192 с.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. — 343 с.

Guillaume G. Temps et Verbe. Théorie des aspects, des modes et des temps. Paris, 1970. — 134 p.

Le petit futé de la Sibérie / Réd. L.Vikoulova, S.Glyzina, F.Rianski, E.Rianskaia, L.Tchislo et aut. Paris, 2000. — 574 p.

Poitou J. Conceptions prototypiques et articulation du changement diacronique // Travaux neuchatelois de linguistique. 2001. Mars/oct. T. 34/35. P. 101—115.

Sperber D., Wilson D. Communication and Cognition. Oxford; Blackwell, 1986. — 279 p.

Tollis F. Recherche cognitive et recherche linguistique: un développement en trois temps? // Actes du IX colloque de l'Association

internationale de psychomécanique du langage. Le système des parties du discours. Sémantique et syntaxe. Laval-Québec, 2002. P. 519.

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: <http://www.cnrtl.fr/etymologie>

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: <http://etimology.net.ua/g>

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: <http://filologija.vukhf/2-7/nadel>

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: <http://www.gramota.ru/book/village/map11>

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

[Электрон. ресурс]: Режим доступа: lingvo.yandex.ru

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	3
Глава 1. Лингворегионалистика: предмет, задачи, специфика исследований	7
1.1. Регионалистика как наука. <i>Определение понятия «лингворегиональные исследования».</i> <i>Предмет лингворегиональных исследований</i>	7
1.2. Факторы формирования лингворегиональных особенностей в Западной Сибири	9
1.3. Регионализмы. Проблемы эквивалентности. <i>Реалии, лакуны</i>	26
Глава 2. Общие концепции лингворегиональных исследований	42
2.1. Междисциплинарный подход. <i>Приоритет</i> <i>когнитивного направления в постановке и решении</i> <i>проблем лингворегиональных исследований</i>	42
2.2. Понятие картины мира. <i>Соотношение понятий</i> <i>«картина мира», «языковая картина мира», «когнитивная</i> <i>картина мира», «научная картина мира», «наивная картина</i> <i>мира», «национальная языковая картина мира». Картина</i> <i>мира и образ мира. Компоненты языковой картины мира</i>	46
2.3. Биосоциальные основы различия языков. <i>Проблемы языка и мышления, языка и знания.</i> <i>Дуальная организация работы мозга и ее связь с языком</i>	51
Глава 3. Принципы когнитивного моделирования в лингворегиональных исследованиях	62
3.1. Понимание когниции как совокупности видов познавательной деятельности (<i>восприятие, образы,</i> <i>представление, смыслообразование, словотворчество).</i> <i>Проблема выявления особенностей объективации</i> <i>понятий, сформированных в результате процесса познания.</i> <i>Когнитивная деятельность. Концептуализация и</i> <i>категоризация как части познавательной деятельности</i> <i>человека. Проблема обозначения: концепт, понятие,</i> <i>значение. Прототип. Универсальное и специфическое</i>	62

<i>3.2. Языковой образ. Образность как культурно значимый компонент. Понятие глубинного образа.....</i>	<i>69</i>
<i>3.3. Когнитивное моделирование</i>	<i>75</i>
Заключение	86
Библиография	88

Научное издание

Рянская Эльвира Михайловна

**КОГНИТИВНЫЙ АСПЕКТ
ЛИНГВОРЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Монография

Редактор *Н.В.Титова*

Художник обложки *Л.П.Павлова*

Компьютерная верстка *Е.С.Борзова*

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 13.10.2008

Формат 60×84/16. Бумага для множительных аппаратов

Гарнитура Times. Усл. печ. листов 6,25

Тираж 500 экз. Заказ 479

Отпечатано в Издательстве

Нижевартовского государственного гуманитарного университета

628615, Тюменская область, г.Нижевартовск, ул.Дзержинского, 11

Тел./факс: (3466) 43-75-73, E-mail: izdatelstvo@nggu.ru

